

ПОТЕРЯННЫЕ

главы из романа

НОВОЕ ИМЯ

Алла Глебова

Алла Глебова (Альбина Нурисламова) родилась (1976) в Казани. Работала учителем русского языка, литературы и мировой художественной культуры, корреспондентом и редактором в газетах «Медико-фармацевтический вестник Татарстана», «Известия Татарстана», в редакции журнала «Татарстан», пресс-секретарём Управления судебного департамента в Республике Татарстан. Автор интернет-проекта «Школа жизни Ру». Окончила Казанский государственный педагогический университет, а также Институт экономики, управления и права. Член Союза журналистов РФ и РТ. С художественным произведением публикуется впервые

краткое содержание

Кира Кузнецова, молодая замужняя женщина, вполне довольна судьбой. Ей всего лишь тридцать, она живёт в большом городе. Кира счастлива в браке, успешна в карьере и вместе с любимым мужем мечтает о рождении ребёнка. Кажется, вся жизнь впереди. Неожиданно в её жизни начинают происходить загадочные события, не поддающиеся какому-либо логическому объяснению. И их становится всё больше: у родных людей внезапно изменяется то внешность, то имена; привычные предметы меняют цвет и форму, а о каких-то прошлых событиях не помнит никто, кроме неё. Причём видит в происходящем что-то необычное только сама Кира. Для окружающих ход вещей остаётся естественным и абсолютно нормальным.

Кире кажется, что привычный мир вокруг неё рушится. Скоро события, ломающие личную жизнь и карьеру Кире, начинают разворачиваться ошеломляюще быстро. Покончил жизнь самоубийством друг её юности – один из их неразлучной студенческой пятёрки. А двое других после похорон рассказывают, что их жизнь тоже стремительно меняется. Они лишаются друзей и родных – те их попросту не узнают, теряют работу, выпадают из реального бытия. Более того, герои с ужасом узнают, что их пятая подруга просто исчезла с лица земли. Только в их памяти она осталась жить как взрослый человек со сложившимися жизнью и судьбой, со слов же её родных, она умерла ещё в младенчестве. То есть двоих из пяти уже стёрло из жизни, словно ластиком. Понять, что же происходит, оставшиеся должны не только для того, чтобы вернуться к прежней благополучной жизни, но и чтобы просто её сохранить.

Анализируя ситуацию, друзья понимают, что кошмар в их жизни начался вскоре после того, как «неразлучная пятёрка» совершила поездку к озеру Кара-Чокыр. Обратившись к специалисту по паранормальным явлениям, они узнают, что местом их летнего отдыха оказалась малоизвестная аномальная зона. С давних пор у этого озера была дурная слава: заночевав в его окрестностях, люди менялись, сходили с ума или же их настигала безвременная смерть. Если верить местной легенде, причиной этих явлений было жуткое существо без лица, которое «забирало жизни».

Парапсихолог даёт научное обоснование феномена: ежедневно, ежечасно попадая в различные жизненные ситуации, каждый человек делает свой выбор, который в дальнейшем определяет сценарий его судьбы. Согласно этой гипотезе, параллельно с нашей обычной жизнью существуют миллионы иных её сценариев. Поездка в аномальную зону запустила некий механизм,

в результате чего друзья начали перемещаться из одного варианта своей судьбы в другой. А итогом будет полное их исчезновение из жизни.

Молодые люди неизбежно придут к тому варианту, при котором их просто не существует, причём до финала остались всего лишь сутки. По мнению парапсихолога, единственное, что можно сделать для спасения жизни хотя бы одного из них, – вернуться в то страшное место.

Вернувшись на место летнего отдыха, герои размышляют, почему же всё это произошло именно с ними. Вероятность скорой смерти заставляет их исповедаться друг перед другом, рассказать о событиях и поступках в прошлом, о которых хотелось бы забыть навсегда. Им начинает казаться, что происходящее с ними вполне закономерно, и даже является заслуженным наказанием за ранее содеянное. В жизни ничто не проходит бесследно, любое событие может повлечь за собой необратимые последствия...

Ночь на озере заканчивается благополучно только для Кире. Она возвращается к прежней жизни, однако события последних шести месяцев полностью выпадают из её памяти. Кира узнаёт, что та летняя поездка с друзьями закончилась автокатастрофой, а в живых осталась только она одна.

Но что же произошло на самом деле? Было ли всё случившееся в реальности? Каждый читатель делает вывод сам.

Глава 5

Вплоть до конца ноября больше ничего странного не происходило. Обувь не меняла цвет, а окружающие – имён и лиц. Очередной удар настиг Киру в последний день осени, когда она уже немного успокоилась, стала забывать о непонятных случаях и даже Игоря называла Валерой без запинки.

Утром тридцатого ноября они с Сашей сидели на кухне. Саша пил кофе с творожниками и не спеша вполглаза просматривал газету. Кира не любила творожники, делала их только для Саши. Сама она доедала горячий бутерброд с сыром. Он был вкусный, но жутко калорийный, и Кира мучилась совестью. По-хорошему, надо бы зелёного чаю с сухарём попить – и привет. Но силы воли не хватало. Кира вздохнула и откусила очередной кусок.

Играло радио. Какая-то Гузель прерывающимся от волнения голосом поздравляла любимого мужа Дамира с днём их свадьбы и просила поставить

для него песню «Погода в доме» в исполнении Аллы Пугачёвой.

– А исполнение Ларисы Долиной ей чем не угодило? – удивилась Кира.

– Ммм? – промычал из-за газеты Саша.

– Я говорю, чем ей Долина не угодила? Это же её песня. Я вообще не знала, что Пугачёва тоже про погоду поёт.

Саша отложил газету и ответил:

– Ты путаешь, Кирюха. Про погоду всю жизнь только Пугачёва и пела.

Кира похолодела: вот, опять! Рано радовалась. Она поспешно встала, схватила чашку и стала мыть. Нельзя, чтобы Сашка увидел её лицо. Пока он ничего не заметил, так пусть и дальше не замечает.

– А, ну, наверное, я перепутала, – сказала Кира, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. Слава богу, его заглушала льющаяся из крана вода.

Саша встал, тоже поставил чашку в мойку и чмокнул жену в затылок:

– Тебе простительно, ты же не их фанатка, – и пошёл в комнату.

Кира домывала посуду, стараясь унять дрожь. Немного успокоившись, она тоже вышла из кухни и направилась в ванную. Сегодня Саша подбросит её на работу, так что можно не спешить.

– Я пойду пока, машину прогрею. Спускайся, – донёсся из прихожей голос мужа.

– Ладно, – откликнулась Кира.

Через пятнадцать минут она вышла из подъезда и искала глазами их «Форд-Фокус». Машины нигде не было. Со двора, что ли, уже выехал, недоумевала Кира, озираясь по сторонам. Кто-то настойчиво сигнализировал, мешая сосредоточиться.

– Кира! Ну, ты чего стоишь? Давай садись! – прокричал знакомый голос. Кира резко обернулась. Оказывается, Саша был рядом: он высунулся из машины и махал ей рукой в чёрной кожаной перчатке.

У Кире второй раз за утро перехватило дыхание. Так вот почему она не увидела их машину! Не глядя на номера, Кира привычно искала тёмно-синий автомобиль. А Саша сидел за рулём серебристо-серого «Форда».

На негнувшихся ногах Кира подошла к машине и молча забралась в салон.

– Ты чего, Кирюха? Замечталась? Своих не узнаёшь? – весело говорил Саша, вырываясь со двора.

Кира не могла прийти в себя и молчала.

– Что это с тобой? – уже другим, встревоженным голосом спросил муж.

– Ничего, – соврала Кира, – просто что-то зуб разболелся.

Саша принялся сочувствовать и тягать Киру к стоматологу. Ей оставалось лишь жалобно мычать и со всем соглашаться, изображая зубную боль. Наконец Саша замолчал и сосредоточился на дороге, изредка бросая на притихшую жену встревоженные взгляды. А она всё думала и думала. Спрашивала себя и не находила хоть сколько-нибудь разумных ответов.

Как машина, которая вчера была с ней, за ночь могла превратиться в серебристую? И, самое главное, почему

Саша принимает это как должное?! Почему он не замечает, что его любимая «ласточка» стала другой?

Возле маленького магазинчика Саша вышел из машины купить сигареты. Кира быстро достала из бардачка документы на «Форд». И чуть не застонала: дело не в Саше, а в ней, в Кире. По документам цвет автомобиля был именно серебристым. Кира поспешно запихнула бумаги обратно: Саша уже выбежал из магазина, на ходу открывая пачку. Курил он немного, но бросить никак не мог.

И машина, и ещё эта песня. У Кире было впечатление, что она выпала из реального мира. «Скоро начну бояться разговаривать – как бы не сморозить какую-нибудь глупость. Господи, – взмолилась она, – быстрее бы закончился этот день, и чтобы больше уже ничего не произошло».

Хотелось пойти обратно домой, залезть под душ и включить воду погорячее. Пусть смывает всё плохое и страшное.

...Кира зря волновалась: день закончился нормально. И все последующие тоже обошлись без сюрпризов. Однако перешагнуть и жить дальше теперь уже не получалось. Она поняла, что всё так просто не закончится, и постоянно жила в ожидании очередного загадочного происшествия.

Обычно разговорчивая и общительная, Кира стала молчаливой и замкнутой. В ней появились зажатость и скованность. Она ловила себя на мысли, что напряжённо приглядывается к окружающим, вслушивается в их разговоры, словно ожидая подвоха и готовясь среагировать. Ей хотелось затаиться, спрятаться, не привлекать к себе внимания. Только один раз в жизни Кира испытывала похожее состояние.

Ей было тринадцать лет, когда она попала в совершенно идиотскую ситуацию. Кира была дежурной по классу. Протереть доску, подоконники, полить цветы, подмести и вымыть полы – невелика забота. Дежурила она не одна, с ней вместе в классе остались убирать-

ся её соседка по парте Лилька Калмыкова, Стас Васильев и Алёша Туманов.

В Лёху Кира была влюблена до потери сознания. Любовалась на него украдкой, ночами строчила в дневник стихи и часами анализировала каждое слово, обращённое к ней. Даже если он просто говорил: «Матвеева, ты алгебру сделала?».

То, что они вместе остались после уроков, было невиданным счастьем. Кира изо всех сил старалась показать, что до Лёхи ей нет никакого дела, обыгрывала его дураком, хихикала с Лилькой, – словом, всячески выражала симпатию в полном соответствии с кодексом подросткового поведения. К слову сказать, Лёха вёл себя примерно так же. Обмирая от счастья, Кира догадывалась, что тоже ему нравится.

Уборка затянулась, расходиться по домам никому не хотелось. Похоже, Лилька со Стасом испытывали друг к другу схожие чувства, так что тоже ловили момент. Время шло к четырём часам, уроки давно закончились, в школе было тихо и почти пусто.

Но, как ни тяни, а пора было заканчивать. Оставалось вымыть полы, и кто-то из мальчишек отправился с ведром в туалет набрать воды. Однако воды не было: как обычно, сломался кран. Тогда Кира легко подхватила зелёное пластиковое ведро и отправилась в туалет для девочек. Стремительно распахнула дверь и застыла на пороге. В туалете была учительница географии Елена Борисовна.

Ну и что, учителя тоже люди. Ничего особенного.

Пикантность ситуации заключалась в том, что ниже пояса на учительнице были только трусы. Да не какие-то там трикотажные, скромные, приличествующие солидной даме сильно за сорок, а красные, кружевные, крошечные, жутко вульгарные. Строгий серый пиджак, белая блузка – и ни колготок, ни юбки, только это вызывающее безобразие.

Что она делала в таком виде в туалете, так и осталось загадкой для Кире. На самом деле, скорее всего, никакой

тайны и не было. Мало ли, что у человека могло случиться. А уж что касается нижнего белья, то каждый волен выбирать его (как и всё прочее!) по своему вкусу – и вкусы эти не обязательно должны совпадать.

Но сам факт, что ученица застала её в туалете в непотребном виде, привёл учительницу в бешенство.

Растерянная девочка и ошеломлённая её внезапным появлением географичка застыли друг против друга. Первой опомнилась злополучная Елена Борисовна. Она покрылась бордовыми пятнами и прошипела:

– А ну, пошла вон отсюда!

Её нелепый и в то же время устрашающий вид, искажённое злобой лицо надолго врезались Кире в память. Она попятилась, выскочила из туалета и хлопнула за собой дверь. Дальнейшее помнила смутно.

В память врезалось лишь то, как она несколько месяцев после того случая ходила по коридорам с опаской – боялась встретить Елену Борисовну. Слава богу, та у них не преподавала, а то Кира, наверное, вовсе перестала бы ходить в школу. Чего она так страшилась? Кира и сама толком не понимала. Но видеть географичку ей было неловко и мучительно. Стыдно.

Скорее всего, примерно те же чувства терзали и несчастную Елену Борисовну: она боялась услышать за своей спиной шёпот, насмешки, хихиканье, сплетни. Разумеется, Кира никому ничего и не думала говорить, но откуда было про то знать географичке? Их обоюдные мучения закончились через полгода, когда Елена Борисовна уволилась.

Но сам эпизод и противное послевкусие остались с Кирой на всю жизнь.

И тогда, и сейчас она не была ни в чём виновата, но чувствовала себя едва ли не преступницей. Не понимала, что происходит, но против воли возлагала на себя ответственность за всё. Вторглась в чужие пределы и не знала, как себя вести.

Само собой, Саша быстро заметил

её состояние. Кира часто ловила на себе его внимательный, напряжённый взгляд. Он тихонько наблюдал за ней и отводил глаза, как только она это замечала.

Однажды они сильно поссорились из-за пустяка, чего раньше не бывало, и наговорили друг другу обидных слов. Саша кричал, что она отдалилась, стала холодной и чужой, что им неуютно вместе, и он постоянно чувствует себя лишним в её жизни. Кира обвиняла его – совершенно несправедливо, и сама это понимала! – в равнодушии и чёрствости.

Она осознавала, что ведёт себя странно. Видела: Саша переживает и мучается. Но что она могла поделать? Рассказать мужу, что почему-то перестала узнавать привычные лица, имена, вещи? Страшно было даже представить себе его реакцию: испуганное лицо, жалость, опасение во взгляде. Уж лучше хранить молчание.

Ситуация накалилась. Напряжение возросло до предела. Кира настолько устала ждать очередного происшествия, что уже почти хотела, чтобы оно случилось побыстрее. Как говорится, отмучилась бы. И всё же, когда это произошло, жутко перепугалась.

Была середина декабря. Близился Новый год. Накануне Кира и Оля украсили кабинет мишурой и гирляндами, развесили блестящие звёздочки и шаррики, наклеили снежинки на окна – красота! Дело было вечером, и делать, действительно, было нечего. Рабочий день заканчивался.

Ребята живо обсуждали планы на новогодние каникулы. Кира прислушивалась и, по сложившейся недавно привычке, помалкивала. Марик собирался в Болгарию, кататься на лыжах. По токсующему взгляду Оленьки было видно, что она охотно отдала бы десять лет жизни, только бы оказаться там вместе с ним. Но в перспективе, к сожалению, маячили только изрядно поднадоевшая компания родственников, мамыны пироги и оливье, выход к ёлке за полночь и просмотр телевизора.

– Интересно, в этом году покажут «Иронию судьбы»?

На самом деле Оленьке это было совсем не интересно, просто надо было сменить тему, чтобы не расплакаться. Слёзы у неё всегда были близко.

– Хоть какой-нибудь канал да покажет, – убеждённо сказал Альберт. – А то и Новый год не Новый год.

– Между прочим, классный фильм. Я вообще Рязанова люблю, – рискнула Кира поддержать разговор. Вроде бы ничего опасного не предвиделось.

– Режиссура – режиссурой, конечно, но всё дело в актёрах. Правильно подобрал – успех обеспечен. А если артист играть не умеет, то любой фильм

запрет, – заявил Альберт. Он почти лежал в своём кресле, которое натужно скрипело под его немалым весом.

– Ну, в «Иронии» попадание сто-процентное – что Брыльска, что Миронов, – рассеянно заметил Марик, не отрывая глаз от монитора.

Киру толкнуло изнутри – вот, начинается! Миронов вместо Мягкова! Абсурд!

Одной из самых любимых книг Киры, можно сказать, настольной книгой, были «Неподведённые итоги» Эльдара Рязанова. Кира перечитывала её раз двадцать, помнила чуть ли не постранично. Так вот, там чёрным по белому написано, что Миронов очень хотел получить эту роль, и даже пробовался, но режиссёр отказал. «Веры в актёрскую убедительность не возникало... Несмотря на всё его актёрское мастерство, ... сущность артиста расходилась с образом, со словами. Стеснительность искусно изображалась, но поверить в любовные неудачи персонажа было трудно, – писал Рязанов. – Невозможно поверить, когда такой яркий парень, опустив глаза, мямлит, что его, мол, девушки не любят».

А тут выясняется, что Миронов роль получил!

Не прислушиваясь больше к разговору, Кира полезла в Интернет. Так и есть. В главных ролях всенародно любимого фильма – Барбара Брыльска и Андрей Миронов.

Кира задала в поисковике «Андрей Мягков». Пробежала глазами фильмографию. Ну, что ж, хотя бы в «Гараже» и «Служебном романе» он играет.

– Кира! Кир! Ты с нами? – Марик, судя по всему, уже давно звал её.

– Что? Я просто читала, – неловко оправдалась она.

– Ну-ну. Домой, говорю, собираешься? Или с ночёвкой решила остаться?

На часах было почти шесть. Стояли морозы, и Саша каждый день забирал Киру с работы, чтобы не мёрзла в дороге. Он ехал к ней чуть ли не через весь город, это было страшно неудобно, и обычно Кира была против – что она,

сама не доедет? На метро быстрее получается, а пробежаться до станции – полезно. Но в такой собачий холод она, конечно, и не думала возражать. Наверное, Сашка уже стоит у подъезда.

Кира почти привыкла к новому светлomu цвету их «Форда».

Натягивая короткое полупальто, Кира услышала телефонный звонок.

– Да, – пропыхтела она, прижав телефон к уху и застёгивая пуговицы. Полностью одетая Оля подкрашивала губы возле большого зеркала. Альберт уже умчался – они с другом собирались сегодня попить пива в недавно открывшемся кабачке «Большая кружка». Марик ждал девушек возле двери.

– Кирочка? – раздался в трубке незнакомый напряжённый голос. – Это ты?

– Да, – ответила Кира. Она наконец-то справилась с пуговицами, подхватила сумку и направилась к выходу, мельком глянув в зеркало. «Не буду надевать капюшон – до машины две минуты. Ничего, добегу, не замёрзну».

– Кирочка, ты меня не узнаёшь? Это Елена Тимофеевна.

В коридоре было полно народу, все спешили к лифтам и громко переговаривались на ходу. Кира всё никак не могла сосредоточиться на телефонном разговоре и решила спуститься по лестнице. Там никого нет – можно побеседовать спокойно.

– Минуточку, пожалуйста, – говорила она в трубку, и, отведя её от уха, попрощалась со своими. – Ребята, пока! Я пешком пойду.

Она красноречиво показала глазами на телефон в руке.

– Давай, – понимающе кивнул Марик. – До завтра.

– Пока, Кирюша, – радостно ответила Оленька. Она надеялась, что сегодня обожаемый шеф предложит подвезти её до дома – мороз всё-таки, а Марик такой добрый.

Кира оказалась на лестнице. Здесь было тихо, только звук её шагов звонким мячиком отскакивал от стен.

– Извините, было очень шумно. По-

жалуйста, скажите ещё раз, кто говорит?

– Ничего-ничего, я понимаю, Кирочка, – голос завибрировал и надломился. – Это мама Лёни Казакова тебя беспокоит.

– Ой, простите, что я вас сразу не узнала, Елена Тимофеевна! Что-то случилось?

– Случилось, Кирочка. Лёничка... – Елена Тимофеевна замолчала, явно пытаясь справиться со слезами.

– Что с Лёней?

– Лёничка умер.

– Как умер?! – закричала Кира. – Когда?

– Вчера вечером. Точнее, ночью, – Елена Тимофеевна постаралась взять себя в руки. – Похороны завтра. Вынос будет в одиннадцать, подходи, если сможешь.

– Конечно, – поспешно проговорила Кира. – А может, я сегодня приду? Вам что-нибудь нужно? Помочь...

– Нет, Кира, – перебила Елена Тимофеевна. – Ничего не нужно. Ты просто приходи попрощаться. И ребятам вашим передай, я телефон только твой сумела найти. Скажи, кому считаешь нужным. Пусть тоже придут, если захотят.

– А... как он умер? Он что, болел? – Кира чувствовала острую вину за то, что Лёньке могла быть нужна помощь, а она оказалась в стороне.

– Нет, это был... несчастный случай.

– Лёня попал в аварию?

Елена Тимофеевна замялась.

– Ну, ты всё равно узнаешь. Расскажут люди добрые, – голос женщины опять опасно задрожал. – Он покончил с собой.

– Лёнька? Покончил с собой? Это же невозможно, – потрясённо прошептала Кира. – Он не мог, это ошибка какая-то.

– Никакой ошибки, Кира, – голос Лёниной матери зазвучал глухо и безжизненно. – Он повесился в своей комнате.

Она, не прощаясь, положила трубку.

Оторопевшая Кира стояла, прислонившись спиной к холодной стене, и слушала дробь коротких гудков.

Телефон снова ожил – звонил Сашка.

– Кир, ты где? Ваши все уже вышли.

– Иду, – коротко отозвалась Кира.

Через пару минут она сидела в машине. В двух словах поведала мужу о случившемся, предупредила по телефону Марика, что завтра придёт только после обеда и свернулась в комочек, припав к окну.

Саша сочувственно молчал, но подлинного горя не испытывал, да и с чего бы? Несчастного самоубийцу Лёню он, конечно, знал, но и только. Это был, в сущности, чужой ему человек. Общались они от случая к случаю.

Кира провалилась в воспоминания. Слёзы тихо струились по лицу, но она их не замечала.

С Лёнькой Казаковым Кира училась в одной группе. Они дружили с первого курса до окончания института. Потом, как это часто бывает, жизнь развела.

Лёнька четыре года жил в Самаре, потом вернулся. Женился, развёлся. Но из виду они друг друга не теряли, продолжали изредка общаться, всегда с удовольствием принимая общество друг друга.

Казаков был своеобразный, с присущим только ему видением мира. Можно сказать, большой оригинал. Странно шутил, необычно одевался. Внешне он почему-то напоминал Кире оленёнка из мультика: хрупкий, худой, какой-то беззащитный, с огромными карими глазами, которые смотрели на мир с детским удивлением.

Искренний, порядочный и честный «до идиотизма», как сказала однажды другая их однокурсница, Света Яковлева, Лёнька был хронически неспособен юлить, приспосабливаться, врать. Даже списать на экзамене – и то не мог. Если не знал, получал свою пару и спокойно шёл пересдавать.

Однажды осадил преподавателя по философии Татьяну Вадимовну. Та

обожала поиздеваться над студентами, в особенности над студентками – высмеивала их речь, манеру говорить, постоянно указывала на необразованность, глупость, бесперспективность. Девчонки боялись «Ведьмы» до обморока.

И вот на одном из семинаров, когда Татьяна Вадимовна в очередной раз завела свой уничижительный монолог в адрес и без того затюканной Гали Пестрецовой, Лёнька встал и сказал, что такое поведение отвратительно. Что унижать человека – низко. И что больше он, Лёнька, уважать Татьяну не может. Неизвестно, так ли уж нужно было «Ведьме» уважение студента Казакова, но философию бедный Лёнька сдавал раз пять, хотя знал её блестяще. Едва ли не лучше самой Татьяны Вадимовны. В итоге сдал заведующему кафедрой Марку Иосифовичу Геллеру и получил предложение выступить на студенческой научной конференции.

Геллер даже предложил Лёне писать курсовую под собственным руководством, что вообще было неслыханно. Уважаемый профессор обычно никому такой чести не оказывал.

Вот такой он был, Лёнька. Дружила с ним не только Кира: за пять лет учёбы сложилась неразлучная пятёрка – Лёня, Кира, Миля Рахманова, Эльвира Ярулина и Денис Грачёв. Вместе на лекциях, семинарах, в походах, на дискотеке, в библиотеке. Сейчас, вспоминая о тех славных временах, о том, какие они были неразлучные, Кира удивлялась, насколько легко они разошлись в разные стороны, отдалились друг от друга и окунулись каждый в свою жизнь. Их дружба выцвела, выродилась, сжалась до убогих формальных телефонных звонков по праздникам.

И вот произошло непоправимое – Лёнька умер. Не просто умер, а сам решил перестать жить. Значит, ему было плохо, невыносимо плохо. Он носил в своей душе какую-то жуткую тяжесть. А они даже не знали об этом. И ничем не помогли.

– Кира, мы приехали, – осторожно

произнёс Саша, прерывая её невесёлые размышления.

Кира неуклюже выбралась из машины. Ветер сразу обжёг лицо, принялся покусывать щёки и нос. Пискнула сигнализация, хлопнула дверь подъезда, загудел лифт. Привычные звуки – звуки самой обычной жизни, которые навсегда умолкли для несчастного Лёньки.

Дома Кира на автомате готовила ужин, мыла посуду, чистила плиту, сортировала и закидывала в стиральную машину грязное бельё. И думала, думала...

В последний раз она видела Лёню этим летом, в начале августа. Они в кои веки сумели собраться впятером. Все жили в одном городе, только Миля с мужем – в посёлке под Казанью. Ходили в одни и те же магазины, кафе, кинотеатры, рестораны, но пересекались крайне редко. Больше по телефону слышались.

А тут созвонились и твёрдо решили – всё, встречаемся и едем вспоминать молодость. Отговорки не принимаются! Всё должно быть, как раньше, то есть только впятером. Никаких жён и мужей – тесной студенческой компанией.

Инициатором, ясно-понятно, была Миля, самая среди них активная и организованная. Всех обзвонила, назначила дату. Оставалось решить, куда ехать. Идти в ресторан и «тупо обжираться», как выразилась Миля, не будем. Решили двинуть за город. И чтоб непременно с ночёвкой – гулять так гулять!

Место выбрали совершенно случайно. В июле Кира наткнулась на Лёньку на Казанской ярмарке. Проходила какая-то очередная выставка, и многие предприятия, в том числе и «Косметиксити», демонстрировали свои производственные достижения. Кира с Оленькой стояли возле стенда своей компании, а Лёнька шёл мимо. Увидели друг друга, удивились, обрадовались, разговорились.

Казаков был на выставке не один, а рука об руку с какой-то нереально красивой зеленоглазой шатенкой. Из тех, чьей красоте даже завидовать глу-

по – остаётся только восхищаться. Тихо офигевать. Лёнька представил девушку как свою коллегу по «Калифорнии» и сообщил, что они здесь тоже по работе. Имя красотки вылетело у Киры из головы. Алина? Альбина? Регина? Карина? Вроде бы что-то созвучное.

Поскольку все пятеро бывших сорисников в последнее время постоянно созванивались и обсуждали, куда ехать отдыхать, то и тут Кира с Лёней вернулись к этой теме. Она сообщила, что вчера звонил Денис, предлагал какой-то навороченный загородный клуб. Лёнька недовольно скривился. Так ни до чего и не договорившись, они распрощались.

А уже на следующий день Лёня позвонил и ликующим голосом объявил, что знает, куда им поехать. Как выяснилось, идею подкинула красавица-коллега с незапомнившимся именем. Она рассказала Лёне про отличное место: чистый воздух, нетронутая природа, красивейшее озеро. И никаких туристов в радиусе нескольких километров! Короче, езжайте – не пожалеете. Кира дипломатично сказала, что это было бы здорово. Но Лёнька идеей поездки в нетронутый край загорелся не на шутку и в итоге всех ею зажёг.

Кира забыла, как называлось это местечко, но оно и вправду оказалось потрясающе живописным. И ехать недалеко, всего пару часов на машине, уверял Лёнька, сверяясь с картой. За рулём сидел Денис: у него была как раз подходящая машина – внушительный чёрный джип «Гранд Чероки». Солидный и большой, как троллейбус.

Выехали они рано утром. Добрались быстро. И общались, вопреки смутным Кириным опасениям, легко и свободно: веселились, болтали, хохотали, подтрунивали друг над другом, как будто и не расставались никогда. Как будто и не было прошедших лет.

Все они, конечно, изменились, но не так, чтобы уж очень. Денис немного поправился, но это ему шло. Такой статный мужчина. Важный и серьёзный. Положение обязывало: он давно

занимался бизнесом и сейчас возглавлял собственную фирму. Поначалу Денис старался не выходить из образа большого начальника, но потом сбросил прилипшую за годы личину, включился в общую болтовню и прямо на глазах превратился в прежнего беззаботного Дэна.

Миля, всё такая же юркая, веснушчатая, худенькая, была мамой двух дочек, жила с мужем в Аракчеевке, упорно занималась детьми, огородом, домом, да вдобавок успевала шить на заказ – руки у неё всегда росли, откуда надо.

Элка, самая эффектная из трёх девчонок, замуж так и не вышла, хотя жила с каким-то художником в очередном гражданском браке. Элку традиционно влекли творческие личности, которых она поначалу именвала не иначе как «гениями», а к концу романа – «ничтожествами». Судя по всему, сейчас её «замужество» было в срединной стадии. Гением она Анатолия величать уже перестала, но ничтожеством звать ещё не начала. Кира с грустью отметила про себя, что Эллка, похоже, всё так же любит «покуражиться», и частые гулянки с возлияниями уже оставили на её красивом лице заметные следы. Она курила сигарету за сигаретой и хриловато хохотала.

В лесу у озера они провели замечательный день и вечер. Купались, загорали, жарили неизменные шашлыки, пили красное вино и коньяк. Пели студенческие песни (Лёнька притащил гитару). С удовольствием фотографировались. Бродили по лесу, даже набрали каких-то грибов. Правда, поскольку никто в грибах не разбирался, их пришлось выбросить.

Всё прошло отлично – домой ехали страшно довольные. Целовались, обнимались на прощание и клялись в вечной дружбе. Были уверены, что теперь станут видиться каждую неделю. Ну, в крайнем случае, каждый месяц, не реже.

Первое время и в самом деле перезванивались, общались по Интернету,

выкладывали фотографии, увлечённо их комментировали. А потом...

Как и следовало ожидать, постепенно интерес угас, звонки стали редкими и вовсе прекратились, затянули привычные дела и заботы. В этой, сегодняшней жизни их ничего не связывало, кроме общего прошлого.

И только фотографии напоминали о том сказочном дне, когда они словно вернулись на десятилетие назад. Кира виновато думала, что совершенно не скучает по студенческим друзьям. А потом перестала мучиться угрызениями совести: ничего тут не поделаешь, и никто ни в чём не виноват, просто в одну реку нельзя войти дважды.

Сейчас Кира смотрела на телефонную трубку и вспоминала тот день. Ей нужно было позвонить Денису, Элке и Миле. Рассказать им про Лёню. Она собралась с силами и набрала Денискин номер.

Глава 11

В двенадцать часов Денис, как и обещал, заехал за Кирой. Летели молча, разговаривать не хотелось, каждый думал о своём. Но неловкости от молчания не было: всё же они были друзьями, пусть теперь уже и не такими близкими, как когда-то.

Кира неплохо выспалась. Видимо, подействовала лошадиная доза успокоительного. Она даже не слышала, когда вернулся Саша. Зато уже без пятнадцати шесть, задолго до звонка будильника, Кира проснулась и поняла, что больше спать не будет.

Умылась, оделась, тихонько пробралась на кухню, занялась завтраком. Вроде бы самый обычный день. Если не считать того, что сегодня ей предстоит сначала поминки по другу-самоубийце, потом – запись на визит к психиатру. А скорее всего, и сам визит – чего тянуть?

Кира уже почти настроилась и даже в какой-то степени была внутренне готова принять диагноз. Но вот Саше пока

никак не могла обо всём рассказать. Ладно, когда станет всё окончательно ясно, тогда и поговорим. Кира приняла решение, и ей стало чуть легче.

Она сумела вести себя так, чтобы Саша ничего не заподозрил. Съел свой завтрак и спокойно пошёл на работу.

– Между прочим, здорово, когда жена провожает тебя на работу вкусным завтраком и вечером встречает ужином, – заметил он на пороге. – Может, ну её, эту работу? Что я, не мужик? Прокормить тебя не смогу?

Говорит вроде бы в шутку, а глаза серьёзные. Беспокоится, что именно работа сделала Киру такой нервной?

– Вот рожу, и сядем вместе с младенцем на твою шею, – отшутилась она.

– Хоть каждый год рожай и сажай. Я только рад буду, – это уже прозвучало не только серьёзно, но даже как-то тоскливо.

Кира не успела удержаться и вздохнула. Не желяя того, Саша задел её за живое. Моментально спохватился и теперь не знал, как всё исправить.

– Кирюха, ну, что ты? – Он обнял жену и крепко прижал к себе. – Скоро у нас обязательно родится малыш. Сама ещё устанешь вскакивать по ночам. Вспомнишь потом беззаботные денёчки!

Слова его, убедительные, правильные, успокаивающие, звучали почему-то не слишком естественно.

У Киры теперь, ко всем прочим её страхам, связанным с деторождением, с недавних пор прибавился ещё один. А нужен ли будет Саше ребёнок от сумасшедшей? Но вслух она, конечно, ничего не сказала. Поцеловала Сашку, покивала, поулыбалась...

Сейчас она ехала и вспоминала давнюю историю, которую рассказала мама. В молодости она отдыхала в санатории, где-то на юге, и её соседкой по комнате была очень милая женщина, кажется, Татьяна. Да, точно, Татьяна. Они с мамой ещё долго потом переписывались. Кира помнила письма, которые приходили не то из Волгограда, не

то из Владимира. У этой Татьяны был необычный почерк – витиеватый, как будто она не писала, а рисовала слова и предложения.

Так вот, жила-была Таня. И был у неё замечательный муж, с которым они за все десять лет совместной жизни ни разу даже не поссорились. Ну, прямо не о чем было спорить. И ругаться не из-за чего. Сплошная идиллия. Как сказал герой обожаемого Киной Рязановского «Гаража», «Не жизнь, а именины сердца». Десятилетие со дня свадьбы решили отметить на горнолыжном курорте. Это вообще была очень спортивная и активная пара: и альпинизмом увлекались, и по горным рекам сплавлялись, и с парашютом прыгали, и на лыжах с гор катались.

Во время одного спуска Татьяна неудачно упала. Очень неудачно. Каким-то невозможным образом лыжная палка воткнулась ей в спину и серьёзно повредила позвоночник. Врачи сказали со всей уверенностью: больше Татьяна ходить не сможет. Никогда. В одно мгновение она превратилась из красавицы-спортсменки в беспомощного инвалида.

Муж, обожаемый муж, который ни разу не повысил на жену голоса и называл не иначе как Танюша, бросил её через месяц. А ещё через три повторно женился. Красавицы-спортсменки не такой уж дефицит.

Татьяна, кстати, вылечилась. Может, врачи сгоряча диагноз неверный поставили, а может, назло мужу. Чтобы доказать: я буду счастливей всех на свете, и ты пожалеешь, что так со мной обошёлся.

Как бы то ни было, Татьяна вернулась к нормальной жизни. Даже книгу написала. Только двух вещей никогда больше не делала: на лыжи не вставала и замуж не выходила. А в целом была вполне счастлива: работала, дочь растила – через несколько лет после травмы рискнула и родила себе на радость девочку.

История эта, давно уже забытая, так и лезла в голову. А что, если и Сашка...

Как ни гони эти мысли, а они не оставляют в покое. Хотелось верить, что Саша, узнав о возможной душевной болезни жены, не сбежит куда подальше. Кира всегда была убеждена, что муж её ни за что не бросит. Конечно, нельзя ни в чём быть уверенной в этом зыбком мире, но Сашке она верила, как себе.

– Приехали, говорю, – оказывается, они уже на месте. Заходя в знакомый подъезд, Кира спохватилась:

– Денис, а Элка-то придёт?

– Я ей не дозвонился. Телефон отключён.

– Ещё одна пропащая. Куда она, интересно, подевалась? – озадаченно проговорила Кира.

Ответила ей, как ни странно, Елена Тимофеевна. Оказывается, Эльвира предупредила, что не сможет прийти на поминки.

– Она дней десять назад мне сказала, что ложится в больницу.

– А что с ней такое, не знаете? – обеспокоенно спросила Кира и подумала: «Вот не зря меня её вид смущал! Всё-таки она, оказывается, болела».

– Нет, Кирочка. Но это не что-то экстренное, раз она заранее планировала. Может, обследование какое-то нужно пройти?

– А в какую больницу ложится, тоже не сказала?

– Нет, не сказала. Я спрашивала, говорю, может, приду, навещу. А она ни в какую. Не надо, говорит, ко мне приходить. У меня всё есть, и вообще я не люблю, когда меня в больнице навещают.

Народу на поминках было ещё меньше, чем в прошлый раз. Посидели, поели, как водится, блинов, кутьи, щей, пирогов. Вспомнили Лёню.

– Редеют наши ряды, – тихо сказал Денис Кире, когда они уже одевались в прихожей.

– Ты Милю имеешь в виду?

– Сначала она, теперь вот Элка.

– Ну, с Элкой всё более или менее понятно. Но вот куда Миля запропастилась? Так и не знает, что с Лёней случилось.

Говорили вроде бы вполголоса, но Елена Тимофеевна услышала.

– Миля? А кто это? – заинтересовалась она.

Денис и Кира переглянулись.

– А вы её разве не помните? Миля Рахманова! Мы же вечно все впятером везде ходили, – удивился Денис.

– Тёмненькая такая, и вся-вся в веснушках! – добавила Кира. – Худенькая, маленькая. Неужели не помните?

– Нет, что-то не припоминаю, – внезапно глаза Елены Тимофеевны наполнились слезами. – Странное что-то с моей памятью. Вчерашний день не помню. А вот Лёнечку – с самого младенчества... Такие вещи иногда вспоминаются... Да ладно, – резко оборвала она себя саму, – я уже замучила вас. Это всё мои стариковские дела. Вы заходите, ребятки. Не забывайте.

Кира и Денис прощались, обещали не забывать, целовали Елену Тимофеевну, а на душе было погано. Словно они бросали её, предавали. Знали же, что выйдут – и каждый углубится в свои проблемы и дела. А она так и останется одна со своим страшным, неизбывным горем.

– Тебя до дома подбросить? – спросил Денис, когда они уже уселись в машину.

– Тебе же не по пути будет, далеко, – засомневалась Кира.

– Да ладно, брось! Не я везу – машина. Что мне, трудно?

– Может, я за бензин заплачу? А то неудобно. Возишь меня, как барыню, туда-сюда! – предложила было Кира.

– Совсем обалдела? Неужели я на бензин не заработаю?

– Ну, извини, извини! Спасибо. Можно тогда уж похозяйничая – радио включу?

– Валяй, хозяйничай.

Неизвестно, как бы сложилась дальше их жизнь, если бы Кире не пришлось в голову послушать музыку. Она потом много раз думала об этом и удивлялась, от каких мелких, случайных вещей часто зависит наше будущее.

Или они вовсе не мелкие? И совсем даже не случайные?

Они ехали и вполуха слушали трёп ведущих, песни и песенки, прогноз погоды, рекламу, информацию о пробках. Пока кто-то снова, как уже было однажды в жизни Киры, не пожелал послушать «Погоду в доме». Реакция Дэна заставила Киру распахнуть глаза и затаить дыхание.

– А чем их Долина-то не устроила? – не отрываясь от руля, удивлённо протянул Денис. Точно так, как и она сама когда-то.

Кира не верила ушам своим. Получается, Денис тоже уверен, что эту песню исполняет Лариса Долина. А это означает, что никакая она, Кира, не сумасшедшая! По двое с ума не сходят.

– Ты слышал, что «Погоду» поёт не Пугачёва, а Долина? – дрогнувшим голосом спросила она, не сводя с него глаз. Руки непроизвольно сжались в замок.

Денис обернулся к Кире, и что-то промелькнуло в его взгляде.

– Слышал. Она всегда её пела.

– Ответь мне ещё на один вопрос. Только не удивляйся. Скажи мне, кто играет с Барбарой Брыльской в «Иронии судьбы»?

– Мягков, – осторожно сказал Денис после небольшой паузы.

Кира даже засмеялась от облегчения.

– А мне уже казалось, что я единственная на свете, кто так думает.

Денис плавно вывернул руль и притормозил у обочины. Повернулся к Кире всем корпусом и сказал:

– Мне кажется, нам стоит поговорить.

– Это точно, – выдохнула она.

Первой стала исповедоваться Кира. Ей было уже не привыкать: она рассказывала о своих мытарствах в третий раз.

– Короче, сегодня я собиралась попросить Бориса Аркадьевича направить меня к психиатру, других вариантов не было, – закончила она.

– Думаю, в дурдом нам с тобой пока

рановато, — задумчиво протянул Денис и рассказал Кире о себе.

В его случае всё было примерно так же. Поначалу вроде бы чушь какая-то. Выяснилось, что у них новые соседи. Незнакомые люди, которых Дэн в глаза не видел. Только вот они его, почему-то, прекрасно знали. Он рассказал об этом жене Алисе, а та, по выражению Дениса, «глаза на него положила» от удивления: да Звонарёвы тут уже больше двух лет живут!

Ну, живут и живут. На здоровье, решил Денис. У него работа, бизнес, проблем море. Не мудрено, что не знает соседей в лицо. Всё не упомнишь.

Следующий тревожный звонок прозвучал в день рождения Алисы — первого октября. Они собирались идти в ресторан, дочку Леночку жена должна была отвезти к теще.

Денис вернулся пораньше домой, открыл дверь — жена уже ждала в прихожей. Красивая, яркая, как всегда. Он сразу даже не понял, в чём дело. А когда сообразил, так и ахнул: ещё утром у Алисы были роскошные длинные тёмные волосы. Не крашенные — это он знал точно. Жена данным фактом гордилась, упоминала к месту и не к месту, что у неё «всё натуральное, даже цвет волос». Теперь Алиса была коротко стриженной блондинкой.

Потрясённый такой кардинальной сменой имиджа, Денис стал расспрашивать Алису, что это она с собой сделала и, главное, зачем?! Могла бы, в конце концов, и предупредить. Но та не желала его понимать: по словам Алисы выходило, что так она выглядит чуть ли не с момента окончания школы. И раньше его всё устраивало! Они сильно поругались, и даже ужин в ресторане и серьги с бриллиантами ничего не изменили.

Дней через десять накатила целая волна перемен. Касались они Дениной любимой работы. Возможно, были и вещи, подобные тем, что подмечала Кира, — актёры, песни, фильмы. Но на это Денис внимания не обращал: телевизор практически не смотрел, радио

не слушал. А если и слушал, то не вслушивался. Тем более — теперь, когда в офисе стало твориться неведь что.

Денис Грачёв был владельцем типографии. Бизнес его начался с пары принтеров, на которых он собственноручно печатал визитки, фотографии и буклеты. Денис зарегистрировал ИП (в то время ЧП) на свой страх и риск, имея весьма приблизительное понятие о печатном деле. Первое время не вылезал из долгов, выживал, как мог, несколько раз собирался плюнуть, бросить всё и просто устроиться на работу. Но передумывал и продолжал барахтаться дальше.

Теперь, несколько лет спустя, «Грач», как не мудрствуя лукаво назвал Денис своё детище, выпускал и книги, и журналы, и брошюры, и газеты, и ещё много чего. В заказчиках недостатка не было, работой типография всегда была завалена на квартал вперёд.

И вот теперь в своей собственной фирме, созданной после долгой череды взлётов и падений, разочарований, проб, ошибок, где всё было знакомо и известно до малейшей детали, он вдруг стал ощущать себя незнакомцем. Случайно зашедшим человеком. На рабочих местах вдруг оказывались чужие ему люди. Фирма проводила сделки с партнёрами, о которых он не имел ни малейшего понятия. Подписывались договоры, решались вопросы, поднимались проблемы, а он, хозяин всего этого, раз за разом оказывался не в курсе дела!

Но что самое непонятное, договоры и сделки были давно запланированными, причём им же самим! А все сотрудники, даже те, о существовании которых он и не подозревал, охотно признавали его, Дениса Николаевича, начальником. Они здоровались с ним, улыбались, спрашивали совета, отчитывались о проделанной работе — и всё это с совершенно естественным видом! Куда подевались те, кого он лично принимал на работу, Денис не понимал. А эти, новенькие, вели себя так, словно работали здесь годами. И ни у кого это

не вызывало удивления: все сотрудники общались, как давно знакомые люди.

Денис запросил в отделе кадров сведения обо всех назначениях и увольнениях персонала за последнее время. Кадровичка – слава богу, известная ему Ася Васильевна – посмотрела удивлённо, но всё, что надо, принесла. Он быстро понял причину её удивления: их небольшой коллектив оставался неизменным уже три года. Никого не принимали и не увольняли. Денис быстро просмотрел личные дела всех тридцати сотрудников: под каждым приказом о приёме на работу красовалась его собственная подпись. Безошибочно узнаваемая.

Постепенно Денис стал опасаться появляться в родной типографии. Ему было страшно подписывать документы и разговаривать с людьми. Он боялся сказать или сделать что-то не то и не так, оказаться посмешищем, подвести людей, развалить дело.

Чтобы подавить липкий тошнотворный страх, Денис начал вечерами пить. Приходил домой и брался за бутылку. Дочка Леночка боялась пьяного папу – непредсказуемого, резкого, раздражительного, с тяжёлым взглядом мерклых глаз. Конфликты с женой стали привычным делом. К моменту, когда позвонила Кира, чтобы сообщить о смерти Лёни, Денис и сам был на грани.

Алиса не узнавала в затравленном, издёрганном, измученном человеке своего обычно уверенного в себе, успешного мужа. Сама она не принадлежала к числу женщин, способных останавливать коней, входить в горящие строения и выносить на своих плечах все проблемы, в том числе и мужнино пьянство. Наоборот, это Алисе требовалась опора в жизни – и он ей эту опору дал. С Денисом она привыкла к безбедной и красивой жизни. Он всё знал, решал, разруливал, улаживал, позволяя ей делать то, что нравится. Некстати обнаружившаяся слабость мужа поставила Алису в тупик. Помочь ему она не могла, терпеть не желала, и поэтому злилась.

Смерть институтского друга отрезвила Дениса, одёрнула. Привела в чувство. Он взял себя в руки, бросил пить. Слетал на недельку в Испанию – очень уж любил там бывать. Эта страна его успокаивала. Алису с собой не взял, хотя она и просилась. Он вообще сильно разочаровался в своём браке.

Ведь брак – это что? Это союз. В идеале – союз любящих, уважающих друг друга людей. В этом слиянии человек должен черпать силы, обретать помощь в трудные минуты. Алиса же, как выяснилось, заключала однобокий брак: она готовилась быть вместе только в радости, здравии и богатстве. С её стороны ни разу не прозвучало простого и естественного вопроса: милый, что случилось? Что с тобой происходит? И этой чёрствости, нежелания не то что помочь, но хотя бы понять, Денис жене простить не мог.

Вернулся он из Испании почти прежним: собранным, сильным, уверенным. И, главное, полным решимости выяснить, что происходит. Но почему-то всё внезапно прекратилось.

Больше жизнь не преподносила никаких сюрпризов. Постепенно Денис привык к незнакомцам в типографии, вошёл в курс всех проектов и проблем, разобрался с договорами и партнёрами. Прошли новогодние праздники, потянулись январские будни – всё было нормально.

О том, что же с ним происходило раньше, Денис пытался не вспоминать. И даже вопросов себе не задавал. С женой старался общаться, как раньше. Ради дочери.

Прошло около месяца тишины и покоя. А вчера Денис вернулся с работы домой и не узнал свою квартиру. В прямом смысле слова.

Всё было другое, даже входная дверь. Стены, полы, потолки, мебель, люстры, сантехника – ни единой знакомой детали! К тому же многое из того, что он, по словам жены, выбрал сам, вообще не соответствовало его вкусам. Денис даже не находил это красивым или удобным.

Он никогда не поставил бы в свой кабинет этот громоздкий старинный письменный стол, потому что твёрдо считал: место антиквариата – в музее. Фиолетовый цвет плитки в ванной нагонял на него тоску. Денис терпеть не мог горизонтальные жалюзи – неуместный, по его мнению, офисный штрих в общей картине домашнего уюта. И никогда не повесил бы их в спальне.

Куда-то делись его любимые книги и портрет мамы с папой, написанный давным-давно двоюродной сестрой-художницей. Пропал привезённый из Франции светильник с зеленоватым абажуром. Зато откуда-то взялись крошечные чашечки вместо объёмных солидных кружек, столовый сервиз в японском стиле и наливные полы.

Против полов он, собственно, ничего не имел, но ведь чтобы их сделать, потребовалась бы уйма времени. Для того чтобы превратить привычную квартиру в эту игрушечную табакерку, понадобились бы недели и даже месяцы! А он только утром видел свой дом совсем другим.

На этот раз он не стал демонстрировать Алисе своего, мягко говоря, удивления переменах. Плавали, знаем! Денис даже сделал мужественную попытку поужинать, но есть не хотелось категорически.

Испугавшись, что его вырвет, Дэн оставил надувшуюся Алису убирать со стола почти нетронутые тарелки и сказал, что хочет принять душ. Повернул краны, разделся, щедро плеснул пену для ванны из красивой бутылочки, лёг в ароматную горячую воду. Вглядываясь невидящими глазами в свирепое буйство сиреневых оттенков, Денис решил, что ему пора показаться врачам. Дальше так продолжаться не может: скорее всего, что-то с мозгом.

– Так что, подруга, я сегодня тоже собирался пройти обследование, – подвёл итог Денис.

– Вот было бы дивно, если бы попал всё к тому же Борису Аркадьевичу, – хихикнула Кира. – Сразу два шизика с одинаковыми симптомами. Он бы, на-

верное, ещё одну диссертацию на нас защитил! Обрадовался, что открыл новую болезнь.

– Или решил, что сам с глузду съехал! – ухмыльнулся Денис.

Они посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Смеялись до слёз и икоты, никак не могли остановиться. «А ведь это истерика», – подумала Кира, и от этой мысли почему-то стало ещё смешнее.

– Слушай, это всё, конечно, тихий ужас, но я теперь хотя бы знаю, что не со мной одна такое творится, – призналась Кира, когда они немного успокоились. – А то у меня состояние было – хоть в петлю лезь, честное слово.

Сказала, и её как молнией ударило. Она резко обернулась к Денису и поняла, что он думает о том же самом.

– Лёнька! – хором воскликнули они.

– Чёрт, если и с ним тоже всё это творилось, значит, между нами всеми есть какая-то связь. Я имею в виду, кроме учёбы. Учились мы давно, а началось всё это в сентябре, так ведь? – Кира лихорадочно размышляла, боясь потерять какую-то призрачную нить.

– Так, – подтвердил Денис.

– Получается, это случилось после нашей августовской поездки. До неё мы не встречались лет сто! Значит, та же самая ересь творится и с девчонками! Надо срочно найти их и спросить! – воскликнула Кира.

– погоди, не пори горячку. Давай для начала узнаем у Елены, когда она заметила, что с Лёнькой происходит что-то неладное. Вдруг дело совсем не в этом. – Денис включил зажигание, и машина медленно выползла обратно на дорогу.

– И всё-таки я чувствую, что это всё связано!

Несмотря на запутанность и необъяснимость ситуации, Кира была почти счастлива. Конечно, они ни на шаг не приблизились к разгадке своей тайны, однако то, что она не одинока и нормальна, радовало несказанно.

До дома Лёньки домчались быстро. Кире не терпелось поговорить с Еленой

Тимофеевной, и она выскочила из машины чуть ли не на ходу.

– Сумасшедшая! – притворно сердито крикнул Денис, выбираясь из джипа. Он тоже заметно воспрянул духом.

– От сумасшедшего слышу, – Кира уже влетела в подъезд.

В два счёта оказалась перед Лёнькиной дверью, нетерпеливо нажала на кнопку звонка. Однако ей никто не открыл.

– Надо бросать курить и жрать на ночь, – Денис тоже подошёл к двери и встал за спиной Кира, стараясь отдышаться от подъёма по лестнице. Он ещё раз нажал на коричневую кнопку.

– Может, она спать легла? А мы трезвоним, – с запоздалым раскаянием сказала Кира.

– Ну, что ж теперь, всё равно уже разбудили.

К двери никто не подходил. Кира прислушалась – в квартире было тихо.

– Неужели и вправду так крепко спит? – недоумённо проговорила она.

– Может, вышла куда-то? В магазин? – предположил Денис.

– Да нет, что ей там делать? – возразила Кира. – Полон дом еды – поминки были. Давай-ка к соседке позвоним. Вдруг туда зашла?

Они позвонили в соседнюю, обитую по давнишней моде реечками дверь. Оттуда почти сразу выглянула немолодая женщина, в которой Кира узнала Раю, бабушку первоклассника Ринатика. Она тоже была сегодня на поминках.

– Добрый день, – ещё раз поздоровалась Кира.

– Да вроде как виделись уже, – Рая поправила цветастую косынку.

– Мы вернулись поговорить с Еленой Тимофеевной, а она дверь не открывает. Она не у вас, случайно?

– Нет, – протянула Рая.

В прихожую шустро выскочил темноволосый мальчик и с любопытством уставился на гостей.

– Здравствуйте! – тонким голосом пропихнул он.

– Иди, Ринатик, иди. Холодно, дверь нараспашку, – шугнула его бабка. – Мы последние уходили, с сестрой еёной. Убрать всё помогли, посуду помыть, и пошли. Она, Лена-то, говорит, я теперь отдыхать буду. Устала мол, сильно. А я говорю, ясное дело, иди, ложись, чё те делать-то? И ушла.

Денис постучал в дверь кулаком. Ещё раз длинно позвонил.

– Если и спит, уже проснулась бы, – заключил он. – Надо ломать дверь.

– Ой, батюшки! Ломать! – ахнула соседка. – А чинить потом как же?

– Об этом после думать будем, – отрубил Денис.

– А вдруг у неё с сердцем плохо? – поддержала его Кира. Ей было страшно. Хорошее настроение разом улетучилось.

– Ну, да, вообще-то. Сердце-то у Ленки... Да, могло, – бормотала Рая, но её уже никто не слышал.

Дверь была старая и хлипкая. К тому же открывалась внутрь. После недолгих попыток Денису удалось выбить её и ворваться в дом. На шум никто не вышел.

– Елена Тимофеевна! – громко стали звать Кира и Денис, проходя вглубь квартиры.

– Лен! Лена, ты где? – вторила соседка Рая.

Елена Тимофеевна обнаружилась быстро. Не в Букингемском дворце жила. Пара комнатух и кухня с ванной – не спрячешься. Да она и не думала прятаться. Лежала, вытянувшись, на кровати в своей спальне. Полностью одетая, даже в обуви. На столике – листок бумаги.

Кира разом будто обняла взглядом всё сразу – безжизненное лицо, тщательно наведённый в крошечной комнате порядок, нарядная учительская блузка, строгая юбка, туфли без каблучков, из тех, что обычно готовят себе «на смерть», пузырёк с таблетками, зажатый в худой руке.

А дальше был полный сумбур – голоса и звуки слились в единый бестолковый хор.

– А-а-а-а-а, Ленна-а-а-а, что же это! – голосила Рая.

– Ой, мамочки! Елена Тимофеевна, – причитала Кира, прижав ладони ко рту.

– «Скорую», быстро! – заорал Денис. – Она ещё жива! Не стой столбом!

Он рывком открыл форточку, чтобы дать доступ свежему воздуху и опять бросился к Елене Тимофеевне.

Кира, спотыкаясь, выбежала в прихожую, схватила непослушными руками трубку. Набрала 03.

– Женщине плохо! Умирает! Самоубийство! – бессвязно закричала она, глотая слова. Потом кое-как взяла себя в руки и продиктовала адрес.

Наверное, оператора напугали её вопли, а может, «скорая» всегда быстро приезжает в таких случаях, но только меньше чем через десять минут в комнату уже заходили врачи.

Глава 15

Проплакавшись, Эльвира почти спокойно закончила свою историю – нагромождение диких, необъяснимых событий. В декабре началась совершеннейшая свистопляска.

Из Элкиной квартиры пропадали написанные на заказ картины. У старых знакомых оказывались другие имена. Иногда близкие люди вовсе не помнили Элю, удивлялись ей, как Толик. Зато из небытия выплывали личности с совершенно незнакомыми лицами, которые заявляли, что близко знакомы с Элей. Она оказалась в центре чудовищного хоровода, а когда попыталась рассказать обо всём маме, та заплакала и начала умолять дочь сходить к психиатру. Инесса Львовна решила, что у дочери белая горячка. Или какой-то другой алкольный недуг.

Чтобы пережить всё это, Элка периодически уходила в запой. Выныривала из водочных глубин, натыкалась на очередную непонятность, пугалась

до полусмерти и снова проваливалась в хмельной туман.

Самоубийство Лёни едва не погубило её саму. Услышав о его смерти, она внезапно вспомнила, что Лёня звонил ей. Всплыли детали их разговора, и Элка поняла, что с Лёней происходило то же самое. Как она корила себя, ругала последними словами, что не связалась с ним! Но ничего было не изменить.

Тогда Эля стала ходить к Елене Тимофеевне – её тянуло туда со страшной силой. Разговаривая с несчастной матерью, она по крупицам восстанавливала последние Лёнины дни. И постепенно убедилась, что они страдали одним и тем же. Только вот чем? Эльвира решила: это какое-то редкое психическое заболевание. Другого объяснения в голову не приходило. Ну, вот совпало так – один диагноз у двоих. Как рак или грипп, или гастрит.

В конце декабря она попала в больницу с обострившейся язвой. Выписалась перед Рождеством и сказала себе: больше так жить нельзя.

Искать помощи Эля решила в психиатрической лечебнице. На что надеялась? Да на то, что заколют, залечат! И больше она уже ничего не будет чувствовать, не будет бояться. Спокойно умрёт.

– Что же ты не позвонила нам? Неужели даже мысли не промелькнуло, что если это творилось с Лёней, то и с нами тоже могло? – почти закричала Кира.

– Почему же, промелькнуло. Очень хотелось в это верить. Всё-таки страшно было признавать себя чокнутой, – ответила Элка и взглянула на Киру. – Я звонила тебе.

– Что? – прошептала Кира. – Когда?

– Шестого числа. После Рождества я собиралась лечь сюда. А сначала решила позвонить. Никак не могла заставить себя снять трубку. Загадала – если дозвонюсь, всё расскажу. Нет – значит, не судьба.

– Точно, – вспомнила Кира и ударила себя кулаком по колену. – Был

звонок! Я в квартире прибиралась, а потом пошла в душ. Слышала звонок, ну, думаю, не буду вылезать. Кому надо – перезвонит...

– Видишь, как бывает, – грустно улыбнулась Эля. – Да ладно, забудь. Хорошо, хоть сейчас всё выяснилось.

– Так, девочки. Нам надо найти Милю, – подвёл черту Денис. – Тут, похоже, каждая минута на счету.

– Господи, а вдруг она тоже... Как Лёня, – засуетилась Эля, хватая Киру за руку.

– Поехали! – Кира вскочила с диванчика.

– Я с вами. Мне только надо переодеться, вещи забрать, – рванулась Эллка.

– Стоп, стоп, дамы! Давайте-ка не будем дёргаться. К Миле мы съездим с Кирой. Эля, улаживай с выпиской, собирайся. Ты от лекарств не отошла, вон – мотает тебя. Вдруг в дороге станет плохо? И что мы тогда будем делать?

Немного попрепившись, Кира с Элей признали правоту Дениса. Всё-таки вожак стаи. Решили так: Кира и Денис едут к Миле, выясняют, что с ней. А к вечеру заезжают сюда за Элкой. Забирают её с собой. Жить девочки пока будут у Киры – Сашки всё равно нет. Им всем лучше быть друг у друга на виду. Так спокойнее.

Ни один из них не произнёс этого вслух, но расставаться, а тем паче оставаться в одиночестве, было страшно.

До Аракчеевки, пояснил Денис, глядя на карту, не больше сорока минут пути. Плюс ещё сколько-то времени займёт выезд из города. Тут уж никогда заранее не скажешь, как долго придётся ехать. Правда, до часа пик ещё далеко, и есть надежда, что удастся избежать пробок.

Когда они учились в институте, Миля Рахманова была единственная «не казанская» из их пятёрки. Она каждый день моталась на электричке туда и обратно, а потом ещё добиралась от вокзала до института. Если лекция начиналась в половине девятого, то Миля выходила из дому в шесть тридцать. В

это время Кира даже не думала просыпаться.

Самое интересное, за все годы учёбы Миля ни разу не пропустила ни одной лекции или семинара. Она была из всей их компании самая правильная. Что вы хотите, староста группы! Не по необходимости, а по призванию. Уговорить её прогулять было нереально, Милю не останавливали ни морозы, ни дожди, ни болезни. Хотя болела она только один раз за все пять лет. Как сама говорила, деревенская закалка. Не то, что вы, хлюпики городские.

Несмотря на свою правильность, Миля никогда не была занудой или зубрилой. Просто её так воспитали: взялась – делай! Поступила – учись. Нечего филонить. Кстати, училась Миля средне, особыми талантами не блистала, брала трудолюбием и упорством, зато была весёлая, простая и открытая. Совершенно не вредная, Миля никогда не отмечала пропуски и прогулы одноклассников. Без звука давала всем списывать лекции, которые добросовестно записывала в клеёночные тетради своим крупным разборчивым почерком. Милю любили, хотя и посмеивались над её деревенской простотой и неумением одеваться.

Жила Миля вместе с родителями и сестрой, Кира забыла, как её звали. Родители работали в сельской школе: мать преподавала в начальных классах, отец вёл сразу несколько дисциплин – математику, труд и ОБЖ. Сестра была намного старше Мили, работала воспитательницей в детском саду. Вот такая педагогическая семья. Одна Миля, как она сама говаривала со смехом, «отщепенец».

Из пятерых друзей только Миля искренне мечтала работать инженером на каком-нибудь предприятии. Но и ей не удалось.

После четвёртого курса Миля вышла замуж. Самая первая из всех. Её избранником стал местный, аракчеевский, парень, они жили на соседних улицах, встречались со школы. Дамир, так звали мужа, отслужил в армии

(Миля, естественно, прилежно его ждала и каждую неделю писала подробные письма), работал строителем и получал приличные деньги.

После свадьбы молодожёны некоторое время жили с родителями Миля и возводили пристрой с отдельным входом. Родители Дамира обретались в двухэтажном бараке, привести туда жену было невозможно.

Закончив строительство, молодая семья переехала в собственное жильё. Почти сразу же на свет появилась дочка, через три года – вторая. Так и осела Миля дома, ни дня не проработав инженером.

Миля рассказывала, что у них большой кирпичный дом. Белый, это Кира запомнила точно. За все годы учёбы они так ни разу и не были у неё в гостях. Не выбрались. Так что теперь ориентироваться можно было только по названию улицы да по фамилии. Но и этого было немало: в небольших поселениях все друг друга знают. Подскажут.

Улиц в Аракчеевке было всего пять: три вдоль и две поперёк. Средняя продольная и оказалась Пролетарской. Хорошо, хоть это запомнили точно. Въехав на Пролетарскую, Кира с Денисом сначала решили высматривать белый кирпичный дом с пристроем.

Однако примерно треть домов выглядела подобным образом, и они быстро отказались от этой бесполезной затеи. Поймали на улице пацанёнка с большим квадратным ранцем и зелёным мешком для второй обуви и спросили у него, где искать дом учителей Рахмановых.

С ранцем – значит, школьник. Раз школьник – стало быть, должен знать. Школьник знал. И тут же, без раздумий, указал на нужный дом.

– Ты ничего не путаешь? – усомнился Денис. Дом был и в самом деле белый, кирпичный. Как Миля и рассказывала, большой и добротный, обнесённый полутораметровым зелёным забором. Вот только никакого пристроя не было.

– Нет, – затряс головой мальчонка.

– Ну, спасибо тебе.

– Не за что, – ребёнок побежал дальше, оставив Киру и Дениса в раздумье смотреть на Милин дом.

– Ладно, пойдём, – решил Денис и двинулся вперёд. Кира за ним.

У калитки имелся звонок. Через пару минут дверь дома открылась, и к воротам заспешила женщина средних лет, очень похожая на Милю. Такая же худенькая, маленькая, усыпанная веснушками.

– Здравствуйте, – она выжидательно улыбнулась, глядя на Киру и Дениса.

– Добрый день, – поздоровалась Кира. – Нам бы Милю повидать. Она вам, наверное, о нас рассказывала, мы её институтские друзья. Я Кира, а это Денис.

На лице женщины застыло недоумение, которое быстро сменилось замешательством. Приветливая улыбка погасла, уголки губ поползли вниз, и Милина мать сразу стала казаться старше.

– Кто мне о вас рассказывал? – осторожно спросила она.

– Как кто? Ваша дочь, Миля. Ну, Джамиля.

– Мою дочь зовут Дилярой, – холодно ответила женщина.

– Но я имею в виду вашу младшую дочь, – упавшим голосом сказала Кира.

И она, и Денис уже поняли – это очередной «провал».

Дверь дома снова отворилась, рядом с матерью Миля появилась ещё одна женщина – тоже веснушчатая, но гораздо плотнее и крупнее.

– Мам, что такое? Это кто? – спросила она высоким голосом, похожим на Милин.

Может быть, теперь наша Миля – вот эта самая Диляра, подумалось Кире.

– Диля, вот эти люди спрашивают Джамилю, – растерянно сказала мать.

– Что это значит? – строго спросила Диляра и обернулась к матери. – Мама, иди, я сама разберусь.

– Но я ведь...

– Мама, иди, – Диля чуть возвысила голос.

Женщина окинула их взглядом на прощание и молча скрылась в доме.

Диляра дождалась, пока дверь за ней закроется, насупила брови и пошла в наступление:

– Кто вы такие? Что вам нужно?

– Послушайте, Диляра, – вступил в разговор Денис, – мы никому не хотим ничего плохого. Мы ищем девушку, нашу однокурсницу, Джамилю Рахманову. Похоже, мы ошибаемся, и её здесь нет. Так что мы уже уходим. Простите, если чем-то обидели вас и вашу маму.

Его импозантная внешность и мягкий голос с убедительными интонациями, видимо, растопили сердце Диляры. Она немного оттаяла и добавила куда более приветливо:

– Да ладно, какие обиды? Вы, я смотрю, вроде приличные люди. Просто всё так совпало... У мамы, – она оглянулась на дом и заговорила тише, – у мамы действительно была дочь Джамиля. Моя младшая сестра. Она родилась давно, я тогда только в школу пошла. Плохо её помню, сама соплюшка была. Так вот, Джамиля умерла от пневмонии, ей ещё и года не исполнилось. Сами понимаете, мама сейчас расстроилась.

Диляра вдруг стала говорливой. Вываливала на них информацию, не замечая, какое впечатление производят её слова.

– А, ну тогда всё ясно, – Кира нашла в себе силы улыбнуться, – мы поедem. До свидания. Извините нас ещё раз.

– Погодите, – остановила их, спешащих укрыться в машине, Диляра. – А вы точно знаете, что ваша Джамиля именно из Аракчеевки?

– Вообще-то, нет, – промямлил Денис. – Может быть, она живёт в Арске. Или в Азнакаеве. Да, скорее всего, где-то там.

– У нас точно таких нет, – добила их Диляра, доброжелательно улыбнувшись, – даже не ищите, не мучайтесь.

– Спасибо, – хором прокричали Кира и Денис, одаривая Диляру вымученными улыбками.

Им не терпелось сесть в машину и побыстрее убраться из Аракчеевки. Только выехав на трассу, Денис нарушил тяжёлое молчание:

– Да, дела. Ты как, ничего?

– Я-то ничего. А вот Миля... Получается, она умерла младенцем, – потрясённо выговорила Кира.

– То-то её Лёнькина мать вспомнить никак не могла! А иначе как бы она забыла, если мы везде все вместе тогда ходили?! И у Лёньки дома тыщу раз были?

– Точно, – Кира прикрыла глаза и потёрла виски, – и потом, Елена же учительница, а Миля из учительской семьи. Она на этой почве постоянно с Милей общалась. Выделяла её. Слушай, я только что вспомнила: Елена даже их с Лёнькой поженить одно время мечтала!

– А ведь правда, – улыбнулся было воспоминаниям Денис, но улыбка его быстро увяла. – И всё-таки именно Милю-то Елена и не помнит.

– Понятно теперь, почему. Она меньше года прожила.

– Но мы-то помним!

– Мы – да. Для нас Миля абсолютно реальный человек, – задумчиво протянула Кира и замолчала.

Уже вечером, когда они втроём сидели на кухне у Кире, отогревая тело и душу крепким чаем, Денис сказал:

– Получается, нас осталось трое. Миля сгинула, Лёнька повесился. Мы пока живы.

– Именно что пока, – сжала зубы Эля.

Отмытая от больничного запаха, укутанная в Кириный синий махровый халат, она сидела на кухонном диванчике, вытянувшись в струнку. Тихо гудела стиральная машина, переворачивая в барабане Эльвирины вещи. Заезжать домой Элка не стала, прямо из больницы направилась к Кире.

Если честно, она боялась новых стрессов. Мало ли, что её ждёт дома. От прежних-то потрясений не вполне отошла. У Кире ей понравилось – чисто, уютно, тепло, красиво. Продумана

каждая мелочь, и человеку в этом доме легко, приятно, комфортно.

– Короче, обо всём договорились. Завтра с утра приеду и решим, что нам делать. Сегодня всё равно ни до чего не додумаемся. А мне домой надо съездить – Денис поднялся со стула, – хотя и не хочется.

– Боишься? – сочувственно улыбнулась Эльвира.

– Есть маленько.

– Может, поужинаешь?

– Да нет, я же всё-таки домой еду. Жена не даст с голоду помереть.

Денис одевался в прихожей, Кира и Эля стояли рядом.

– Всё, девчонки, пока, я пошёл.

– Пока, Денька, – ответила Кира. – До завтра.

– Пока, – тихим эхом откликнулась Эллка.

«Раньше хохотала бы, хохмила, шуточки отпускала, тормошила нас, – подумал Денис, – а теперь стоит, как тень бесплотная. Станем ли мы прежними? Вообще – останемся? Или исчезнем, как Лёнька с Милей?».

Он тихонько вздохнул и прикрыл за собой дверь.

Глава 17

По дороге к дому Суханова все трое подавленно молчали.

– Голова раскалывается, – пожаловалась Эля.

– У меня тоже тяжёлая, – Кира помассировала пальцами виски. – Не выспалась.

– Куда прёшь, баран! – зло выругался Денис на водителя битой «четырнадцатой», – понапокупают прав...

Утро принесло новые потери. И хотя они уже были готовы к этому, иммунитет не вырабатывался – опять стало страшно до одури.

Кира позвонила на работу – узнать, как дела. В такую рань, в начале восьмого, на месте мог быть только Марик. Он часто приезжал задолго до нача-

ла рабочего дня. Правда, это было до того, как у него появилась невеста, но попробовать стоило. Марик снял трубку после третьего гудка. Как всегда, на вахте.

На робкое приветствие Киры он вежливо поинтересовался, кто она такая, с кем и по какому поводу желает поговорить. Кире показалось, что её с силой ударили в живот – там сразу заныло и перехватило дыхание. И всё же она сумела оправиться и попросить к телефону саму себя. Марик так же вежливо проинформировал её, что в «Косметик-Сити» нет сотрудников с таким именем. Хотя, кажется, он припоминает, что несколько лет назад у них какое-то время работала девушка по имени Кира. Скомканно попрощавшись, она нажала кнопку отбоя.

– На работу звонила? – мрачно спросила Эллка, выходя из ванной. Денис, уже умытый и причёсанный, пил кофе на кухне.

Кира промолчала.

– И что тебе ответили?

– Меня там не знают. Я работала у них несколько лет назад, – замороженным голосом отозвалась Кира.

– А я тоже звонила. Родителям.

– Узнали? – хором спросили Денис и Кира.

– Узнать-то узнали... Мать стала выспрашивать, где я, причитать, зачем сбежала. Я ничего не пойму, откуда сбежала, спрашиваю. Она воеет – как, деточка, ты ничего не помнишь? Тебе хуже? Короче, выяснилось, что я после очередного суицида лежала в больнице. Да, да, всё там же. В дурке. Мать принялась упрашивать меня не пить, вроде бы я по пьянке то вешаться, то травиться порываюсь. Я трубку кинула, давай брату звонить. Он тоже голосить начал – знаете же Гарика! Говорю ему: скажи мне только одно. Тогда вернусь в клинику. Зачем я пытаюсь покончить собой? Ну, алкоголичка – это ясно. Но не просто же так! Должна же быть причина! Он помялся, помялся и говорит: у тебя же выкидыш был пять лет назад, а после ты пытаешься беременеть – не

получается. Вот и двинулась на этой почве. От кого, говорю, пытаюсь? Так кто ж тебя знает, говорит. Ты нам не докладываешь. Вот такие дела.

– Господи, – прошептала Кира.

– Что ж, по крайней мере, мой сценарий ясен. Похоже, мне предписано повеситься по пьянке. Бездетная, безмужняя неудачница, алкоголичка и шлюха, – в голосе Эли звенели истерические нотки.

Ещё немного – и её прибиёт окончательно, мелькнуло в голове у Киры. Видимо, Денис тоже это понял, потому что поспешно вскочил со стула и заговорил, старясь отвлечь Элку, а заодно и застывшую Киру:

– Так, дамы, времени в обрез. Все разговоры – потом. Нам через сорок пять минут надо у Суханова быть. Эля, кофе будешь? Кира, ты пила? Ещё налить?

В машине каждый из них ушёл в свои невесёлые мысли.

– Надежда пока есть, – прервал их размышления Денис. – И мы приехали. На выход. Вон наш подъезд.

Владимир Суханов не был похож на чудаковатого профессора из фильма «Назад в будущее», каким его почему-то представляла себе Кира. Скорее уж, на студента. Выглядел он молодо и не солидно. Высокий, почти два метра, сухой, кадыкастый, большеглазый, худой, как весло. Руки-ноги болтались в рукавах и брючинах джинсового костюма, точно карандаши в стакане. Маленькую голову плотно покрывали тёмно-русые, коротко остриженные, слегка волнистые волосы.

Суханов жизнерадостно улыбнулся гостям и жестом пригласил войти.

Квартира Владимира полностью оправдала Кирины ожидания: впечатляющий своими масштабами бардак, горы книг, схем, карт, всюду непонятного назначения приборы и предметы, занимающие все горизонтальные поверхности. Именно так и должна выглядеть обитель увлечённого наукой или какой-то околонуточной деятельностью человека.

Рассадив гостей на стульях и креслах, сам хозяин примостился напротив, на краешке стола. Денис вкратце изложил суть дела. Как всё-таки здорово, что он с ними, такой основательный, внушающий доверие, респектабельный! Говорит спокойно, вдумчиво, без излишних подробностей и эмоций.

Однако даже в таком изложении история выглядит дикой и нелепой. Кира старательно кивала в такт Денискиным словам и каждую минуту ждала: Владимир вот-вот решит, что над ним издеваются, рассердится и выставит их из своего дома.

Денис замолчал. Кира и Элка боялись даже дышать. Владимир, казалось, совершенно забыл об их присутствии и о чём-то напряжённо размышлял. Наконец он кивнул, словно соглашаясь с чем-то, и заявил:

– Значит, так, господа. В десять, как я сказал, у меня заседание кафедры. Я сейчас позвоню, скажу, что меня не будет. Мне нужно кое-что уточнить, проверить. Я пока, если честно, не вполне готов к разговору. Давайте поступим следующим образом. Встретимся здесь же... скажем, через два часа. Идёт?

– Идёт, – согласился Денис.

А что ещё оставалось?

– И, кстати, зовите меня Володей. Ни Вову, ни Владимира терпеть не могу. И давайте-ка на «ты».

– То есть, Вла..., извини, Володя, ты нам веришь? Не считаешь, что мы – кучка психов? – осторожно спросил Денис.

– Нет, конечно. Вы кучка людей, оказавшихся в очень ненужном месте в крайне ненужное время – вот как я бы это определил. Надеюсь, скоро смогу сказать больше.

Дождаться второй встречи с Володицей решили дома у Киры. Тупо слонялись по квартире, щёлкали пультом от телевизора. То собирались все вместе, то разбредались каждый в свой угол. То вдруг их охватывала отчаянная надежда, то на смену ей приходило уныние, и тогда они надолго замолкали,

с головой окунаясь в свои страхи. Что-бы чем-то себя занять, Кира решила приготовить поесть: никто из них толком не позавтракал. Она приготовила на скорую руку омлет, Денис порезал хлеб и колбасу, Элка настрогала салат. Перекусив, собрались и поехали.

Володя распахнул дверь сразу, как будто караулил возле порога.

– Привет, проходите, – коротко бросил Суханов. Он был серьёзен, чем-то явно озабочен и собран.

– У тебя какая машина? – обратился он к Денису.

– «Гранд Чероки», – слегка обескураженно ответил тот.

– Отлично. Проходимость что надо. А то там ведь, сами понимаете, неизвестно, что за дорога. Я зимой ни разу не был.

– Погоди, нам что – придётся ехать в Кара-Чокыр? – уточнила Элка.

– Думаю, придётся. Причём сегодня же. Дорогу знаете?

– Разберёмся. К тому же у меня навигатор.

– Отлично, – ещё раз бодро сказал Суханов, – значит, доберётесь. У вас же, наверное, ни спальников нет, ни палатки?

– Нет, – растерянно ответила за всех Кира. – А зачем?

– А затем, что вам придётся ночевать в лесу, – огорошил их Володя. – Кто-нибудь из вас ночевал зимой в палатке?

– Нет, – ответил Денис и спохватился, – хотя это мне не приходилось, а...

– Мне тоже, – быстро проговорила Элка.

Кира покачала головой.

– Я вообще-то так и думал. Но я вам всё подробно объясню, не переживайте. Это не так страшно, как может показаться. Попробуете, может, даже и понравится. Сейчас быстро всё купите. Оденьтесь потеплее. Хорошо бы, конечно, термобельё. Толстый коврик нужен. Спать на холодной земле – это гарантированно всё себе отморозить. Лопаты возьмите. Лыжи. Еды какой-нибудь. Чай, кофе в термосе. Туристскую газовую лампу. Позже список составлю, что вам

понадобится, чтоб ничего не забыть. Костёр надо будет развести. Сумеете?

– Сумеем, наверное, – не слишком уверенно произнесла Кира.

– Володя, но ты же так ничего и не объяснил, – жалобно пискнула Элка, выразив общее мнение, – я ничего не понимаю!

– Да-да, – заторопился Суханов. – Сейчас расскажу, почему вам надо ехать. Что такое аномальные зоны, думаю, примерно представляете?

– Примерно, – подтвердила Кира. Остальные промолчали.

– Эти места с давних пор называют гиблыми. Причины возникновения аномалий могут быть самые разные, точными сведениями наука пока не располагает. Иногда их связывают с падениями метеоритов, иногда – с залежами некоторых видов ископаемых, с геомагнитными полями. Есть мнение, что паранормальные явления возникают на месте разрушенных мечетей, церквей и прочих культовых сооружений, а также разорённых кладбищ. Проявления в различных зонах тоже разные: где-то люди видят блуждающие огни, непонятные свечения, встречают призраков. В некоторых зонах появляются невиданные растения или животные. Учёные ставили эксперименты, выращивали мышей в таких местах. Так вот, зверьки давали потомство с многочисленными отклонениями, опухолями, сильным недобором веса. Мыши даже пожирали своё потомство! Люди тоже чувствуют такие места: у них начинаются необъяснимые головные боли, поднимается температура, они испытывают беспричинный страх, беспокойство, тревогу, тоску. Подсознательно человек старается избежать аномальных зон, обойти стороной. Там не строят домов, не основывают поселений. Пока всё ясно? – прервал лекцию Суханов.

– Ясно. И Кара-Чокыр – как раз такое место.

– Да, одно из таких мест. Сам я был там всего один раз, просто заглянул. Ни я, ни кто-то другой ещё не занимался исследованием аномалий Кара-Чокыра

вплотную. Однако я точно могу вам сказать: неладно там было с давних пор. В пяти-шести километрах от озера есть деревня Кармановка – туда как раз ведёт просёлочная дорога, по которой вы съехали с трассы. Ты её, вероятно, помнишь, Денис?

– Помню.

– Так вот, кроме этой деревни, самой ближней к местечку Кара-Чокыр, название, кстати, переводится с татарского как «Чёрная Яма», есть ещё два поселения, подальше. К сожалению, не помню их названий. И во всех этих деревнях бытует одинаковое поверье. Я сегодня с ребятами-филологами связывался, уточнял. Они изучали местный фольклор. Вкратце суть такова: считается, что возле озера, в роще, на лужайках обитает некое жуткое существо – Бется. С ударением на «я». Название забавное, но в самом существе ничего смешного нет. Встреча с ним губительна для человека. А повстречать его можно исключительно в тёмное время суток. Поэтому местные стараются не оказываться там ближе к вечеру без острой необходимости. Вообще, на всякий случай, туда не заходят. Но уж если случится забрести, то стремятся уйти до наступления темноты.

– И чем он так опасен, этот Бется?
– Кира обхватила себя руками. Ей было зябко. Температура, что ли, поднимается? Не хватало ещё заболеть.

– Мои фольклористы считают, что само название «Бется», скорее всего, происходит от татарского «битсез» – «без лица». По легенде это безликое существо – я хочу сказать, что лицо у него отсутствует в буквальном смысле слова. Так вот, Безликий подкрадывается к заночевавшим на поляне у озера путникам и крадёт у них жизни.

– Жуть какая! – Элку передёрнуло.

– Будто бы он питается человеческими жизнями, примеривает на себя чужие личины, – Суханов потёр пальцем переносицу и продолжил. – После визита Безликого человек просыпается другим. Мается, беснуется, начинает всего бояться, сходит с ума и в конце концов

гибнет. А некоторые и вовсе пропадают после страшной ночной встречи – и про них даже близкие ничего не помнят, не знают. Знакомо, правда?

Никто из троих не нашёл в себе сил даже кивнуть.

У Киры было чувство, что она падает с двадцатого этажа. «Мой сон, – подумала она, – это же тварь из моего кошмара».

– Ребята, конечно, никакого Безликого не существует – это плод народной фантазии, – успокаивающе проговорил Суханов. – Лично я склонен думать, что дело в озере – возможно, в его воде или растительности содержатся какие-то элементы, которые выделяют опасные испарения. Кстати, это озеро не замерзает зимой. Вообще. Может быть, есть и другая причина, это нам ещё предстоит выяснить. Что касается перемен в ваших жизнях, у меня есть кое-какие соображения, если вам интересно.

Все промолчали в знак согласия.

– Так вот, я думаю, всё дело в параллельных вселенных, – оживлённо заговорил Суханов. Похоже, он оседлал своего конька. – Видите ли, в чём дело. Любой человек ежедневно, ежедневно становится перед выбором, принимает решения, так ведь? Ну, допустим, вы могли выйти замуж за Петю, а могли остаться незамужней. Или вовсе стать женой Васи. И это только три варианта развития событий! Человек может поступить в университет, а может пойти в армию или уехать на заработки за границу. Это глобальный выбор, а есть мелкие решения. Поехать на метро или сесть в автобус и попасть в аварию. Съесть просроченный салат и отравиться или остаться голодным и здоровым. То есть существует огромное количество сценариев жизни любого человека. Представьте себе дорогу, на которой постоянно встречаются развилки. Вы можете поехать прямо, налево, направо или вообще повернуть назад. И такой выбор приходится делать практически ежедневно! Так вот, принимая то или иное решение, поступая так,

а не иначе, вы создаёте тем самым новую версию своей жизни и следуете ей. Но есть такая теория, что неиспользованные вами миллионы, мириады вариантов тоже где-то существуют – рядом, параллельно... Мы же говорим иногда: вот если бы я сделал то-то и то-то, тогда всё было бы по-другому. Некоторые учёные полагают, что этот желанный вариант имеется рядом с вами. Как и миллионы других, хороших и плохих... Но оказаться в них невозможно. Вы меня понимаете?

Денис запустил пятерню в волосы и покачал головой:

– Бред какой-то.

– Ну, возможно. Я же говорю, это только версия. И всё-таки.... Мне кажется, вы все с той поездки в Кара-Чокыре каким-то образом начали перемещаться из одного варианта своей судьбы в другой. Шагать по этим параллельным вселенным! Причём каждый раз оказываясь всё ближе к той вариации, которая для вас гибельна. Как будто запустилась какая-то программа самоуничтожения.

Суханов хотел сказать ещё что-то, но вместо этого сделал невразумительный жест и замолчал.

– Да почему мы-то, ёлки-палки? – взорвался Денис. – Мы что, в чём-то согрешили? Мы обыкновенные люди! Кому, чёрт возьми, могли мы в чём-то помешать?

Всё, что копилось долгими неделями, будто разом поднялось со дна его измученной души. Денис матерился, взывал к богу, орал. Кира и Элка сидели, как пришибленные. Суханов словно и не удивился этой дикой вспышке. Терпеливо ждал, когда Грачёв выговорится, не делая попытки остановить поток ругани.

Наконец Денис опустошённо замолчал.

– Как думаешь, можно эту программу как-нибудь отключить? – медленно подбирая слова, спросила Кира.

– А почему она вдруг возникла, эта твоя программа? – неожиданно громко перебила её Элка.

– Она не моя, – укоризненно попра-

вил её Володя. – И я не знаю, что могло её запустить. Если, повторяю, дело вообще в этом! Что тоже под большим вопросом.

– Но наверняка же у тебя есть «кое-какие соображения», – ехидно заметила Элка.

– Есть, – спокойно сказал Суханов, – похоже, что её каким-то образом запустила ваша ночёвка в Кара-Чокыре. Как – не спрашивайте, я не знаю. В некоторых аномальных зонах, в знаменитом Бермудском треугольнике, например, бесследно пропадают люди, самолёты, корабли. Одни так никогда и не находятся, другие потом вдруг объявляются где-то. Известна история об исчезновении пяти кораблей ВМС США в том районе. Был солнечный день, самолёты совершали обычное патрулирование прибрежных районов. За штурвалами были высококвалифицированные пилоты. После нескольких часов полёта ведущий самолёт сообщил командному центру, что они потерялись, компасы не работают и «всё выглядит очень странно». Больше их никто не видел, расследование ВМС США так и не дало вразумительных объяснений событию. Или такой случай. Из порта вышел лайнер и пропал. Его искали – ни слуху, ни духу. Спустя некоторое время он обнаружился в совершенно другом месте, там, где его и быть не могло. Вся команда исчезла, а сам корабль выглядел так, словно плавал по морям лет двадцать, не меньше. Таких случаев не один и не два. Только с 1950 по 1954 годы в Море Дьявола, у восточного побережья Японии, произошло девять случаев исчезновения кораблей! Это всё факты, но факты пока никем научно не объяснённые. Видимо, в определённых местах меняется само понятие времени и места. Мне кажется, уже ясно, что аномалии Кара-Чокыра как раз и заключаются в таких шутках со временем и пространством.

– Володя, не хочу показаться грубой, ты очень интересно рассказыва-

ешь, но как всё это поможет нам выжить? – прямо спросила Кира.

Суханов смутился и замялся.

– Послушайте, вообще-то я вам не сказал ещё одну вещь. Важную.

– Какую именно? – отрывисто спросила Эля.

– По легенде, тем, кто повстречал ночью Безликого, жить остаётся самое большее – полгода. Вы помните, когда там ночевали? В ночь на первое августа, так ведь?

– Точно, – ошеломлённо пробормотала Кира. – Миля тогда говорила, что надо успеть съездить до второго августа. Она у нас кладёзь народной мудрости. До Ильина дня, говорит, надо как следует накупаться, а то после уже нельзя будет: вода зацветёт. И русалка на дно утащит.

– Лёнька ещё смеялся, что если русалка симпатичная, то он, пожалуй, не против, – добавила Элка.

– Но это значит, что полгода истекают первого февраля. Ребята, это же уже завтра! Сегодня тридцать первое! – Кира подскочила, как ужаленная.

– Я не хочу вас пугать, но вы сами видите – многое совпадает. Возможно, это всё чушь. Но вполне может случиться так, что послезавтра... что-то произойдёт. И вы все... – Суханов смешался, не договорил. Засунул руку в карман, вытащил клетчатый платок, повертел, покомкал его и засунул обратно.

– Хорошо, а с чего ты взял, что нам надо туда ехать? Чем это поможет, если мы уже обречены? – Денис говорил немного смущённо. Ему было неловко от своей недавней вспышки.

– Я пока могу полагаться всё на те же местные предания, – с несчастным видом сказал Суханов. – Больше никаких источников всё равно нет. Как правило, такого рода поверья складываются в результате многочисленных народных наблюдений, имеют реальную основу, хотя и завуалированную, метафорическую.

Кира даже дышать перестала от волнения.

– В легенде говорится, что мож-

но попытаться заставить это чудовище снять заклятие. Для этого жертвам Безликого надо рискнуть. Отправиться на озеро, пока не прошло полгода, и переночевать там. Нужно обязательно заснуть – Бетсю нельзя видеть ни в коем случае! И Безликий может, если пожелает, вернуть жизнь одному из них. Или всем, кто решился прийти. Или никому.

Все поражённо молчали, стараясь не смотреть друг на друга.

– Но я бы не советовал вам воспринимать всё так буквально, – заметил Володя, видя их реакцию. – Не надо думать, что ночью какая-то жуткая тварь появится рядом с вами. Возможно, просто существует некая гипотетическая возможность обратить вспять последствия вашего летнего... визита. Ещё раз повторяю: гипотетическая! Воспринимайте поездку как попытку всё исправить. Вы сегодня съездите туда, заночуете. Хуже не будет, правда? А я вечером и ночью ещё посоветуюсь с людьми, подумаю, что можно предпринять, идёт?

– А у нас что, есть выбор? – криво усмехнулся Денис.

– Хуже не будет. Это ты верно подметил, – согласилась Элка.

– Нет, если не хотите...

– Хватит нас уговаривать, Володь, – проговорила Кира, рывком поднимаясь со стула, – всё равно пока рассчитывать больше не на что. А это хоть какой-то выход.

Володя чётко перечислил всё, что необходимо купить для ночёвки в лесу. Денис скрупулёзно записал в блокнот. Обговорив ещё раз детали, друзья прощались с Володей, который изо всех сил делал вид, что им предстоит всего лишь необычная загородная поездка.

Они стояли возле машины. Суханов спустился их проводить. В последний путь, пронеслось в голове у Киры.

– Идущие на смерть приветствуют тебя, – мрачно пошутил Денис в унисон Кириным мыслям, пожимая Володе руку на прощание.

Суханов покраснел и быстро отдернул руку.

— Ну, зачем ты так! — мягко укорил он Дениса. — Всё будет хорошо, вот увидите.

— Хотелось бы увидеть, — суховато бросила Кира.

Она смотрела на Володю отстранённо, как смертельно больной человек — на здорового. Они теперь были по разные стороны бытия. Их цели и перспективы кардинально отличались. Суханова интересовало многое — карьера, научные исследования, женщины, зарплата, футбол. А с ними всё было предельно просто. Они хотели только одного — выжить.

Глава 18

Странное это было место, Кара-Чокыр. Удивительно, что в прошлый приезд никто из нас этого не заметил, думалось Кире. Здесь как-то всё... стыло. Неподвижно. Даже дышит тяжёло. Воздух густой и вязкий, как туман, но его нет.

Разве бывает такое полное безветрие? Такая тишь? Как будто не на берегу озера сидишь, а в студёной комнате. Ветер не обдувает лицо, не швыряет в тебя мелкими колючими снежинками. Холодные крупинки медленно, сонно, ровно по вертикали опускаются на землю.

И само озеро... Тёмно-серое пятно посреди белой равнины. Как Володя и рассказывал, оно не замерзало зимой, не покрывалось льдом. От воды тянуло холодом и сыростью. Так и кажется, что там, в неприятной глубине, что-то застало и ждёт своего часа.

Темнело стремительно, и скоро вокруг была уже самая настоящая, непроглядная ночь. Ни огонька, ни искорки. Костёр мужественно шкворчал и потрескивал, но, как ни старался, не мог рассеять окружающий мрак.

Темнота навалилась на Кара-Чокыр, как плотное одеяло. Придавленные её

мощью, трое людей на берегу лесного озера растерянно притихли. Они сидели возле костра, инстинктивно прижимаясь друг к другу в поисках защиты и поддержки.

Сколько бы человек ни хорохорился, ни воображал себя царём природы, он пасует перед её очевидной мощью, оказавшись с нею лицом к лицу. Особенно в темноте, которая дезориентирует, подавляет, размывает грани, делает привычные вещи необычными и даже пугающими.

Дневная суета хоть ненадолго избавляла от страхов и сомнений. Позволяла забыться. Теперь же, присев, чтобы отдохнуть и поужинать, все трое чувствовали, как их начинает пробирать дрожь. Костёр плюс тёплая одежда согревали на славу. Холод шёл изнутри, студил душу. Им почти одновременно пришла в голову мысль: а ведь запросто может случиться так, что это последний вечер в жизни!

Денис потёр ладони, встал, массируя затёкшую поясницу, и нарочито бодрым голосом предложил:

— Ну, дамы, как насчёт по сто грамм? А то мы что-то совсем приуныли.

Суханов предупреждал: не пить ни в коем случае! Это только поначалу от водки тепло и весело. Потом будет только хуже: и холодней, и тоскливей (а то мы не знаем, — ухмыльнулась тогда Элка). Потом, правда, Володя смягчил свой запрет, разрешил по «чуть-чуть». Понял, что «на сухую», с ясной головой, этой ночью им, скорей всего, не одолеть.

Денис, заручившись согласием, вытащил бутылку водки. Это был весь их запас спиртного. Большого позволять себе нельзя. В самом деле, напиться — не выход. Это уж только так, немного страх разогнать. А часам к десяти можно и спать лечь. Всего-то пару часов продержаться, рассудил Денис и разлил огненную воду по маленьким пластиковым рюмочкам.

— Что-то я таких раньше не видела, — заметила Кира.

— До чего дошёл прогресс — всё для удобства. Даже походные рюмки.

Водка горячим шаром прокатилась по горлу. В желудке мгновенно стало жарко. Кира сунула в рот маринованный огурец.

– Хорошо пошла! – крикнул Денис.

– Мягкая, – подтвердила Элка.

– Знатоки, тоже мне, – беззлобно подколола Кира.

– Сидим, как нормальные люди, – заметил Деня, – только гитары не хватает.

– Ага, только её и не хватает, – усмехнулась Элка. – А то б спели сейчас!

Её заметно повело. Кира читала, что только новичков и законченных алкоголиков развозит с одной рюмки. Новичком Эля явно не была. Сердце сжалось от сочувствия к подруге. Почему так сложилась её жизнь? Красивая, добрая, одарённая, почему она несчастлива?

Словно отвечая на её безмолвный вопрос, Элка вдруг сказала:

– А хотите, секрет свой вам расскажу? Нам же сейчас всё можно, любые неприличные откровенности. До утра можем и не дожить.

– Ты что, поверила, что к нам явится Бется? – Денис хотел, чтобы в его вопросе прозвучала ирония, но голос подвёл своего хозяина и дрогнул.

– А ты – нет?

Денис попытался снисходительно улыбнуться, но улыбка вышла на пол-размера меньше и скособочилась в углу рта.

– Не верю, что здесь водится какой-то там монстр! – запальчиво заявил он.

– После всего, что с нами случилось, лично я готова верить во что угодно, – негромко заметила Кира.

– Нет, я не спорю, с этим местом что-то не так. Но Володя же сам сказал, всему есть научное объяснение. Никакой мистики. Никакого Безликого. Просто физика.

– Даже если и так, это всё равно за пределом моего понимания, – Кира откусила кусок колбасы и принялась медленно пережёвывать. – По мне, так, что

какие-то там поля, что Безликий – однофигиственно.

– А вы подумайте, сколько людей, может быть, пропадает из-за таких мест! Сотни, тысячи... и никто потом не вспоминает о них. Как будто их просто стёрли, – уставившись в огонь, прошептала Эля. В её широко раскрытых глазах плясало отражение рваных прядей пламени.

От этих слов мороз пробрал по коже. Гусь прошёл по моей могиле, вспомнила Кира старую поговорку.

– Давайте-ка ещё выпьем, – помодала она головой, отгоняя страх.

Денис послушно наполнил рюмки. Элка одним махом опрокинула в себя содержимое и даже не поморщилась. Кира тоже сделала большой глоток и торопливо запила водку остывшим чаем из пластикового стаканчика. Отдышалась. Нельзя запивать, вредно! А с другой стороны, может, это последнее застолье в жизни. Разве не глупо беречь здоровье, если всё равно завтра на кладбище?

«Нет, определённо надо заканчивать с такими мыслями», – подумала Кира и решительно потрянула головой. Хватит киснуть!

– Ты обещала нам какой-то секрет.

– Обещала – расскажу, – медленно выговорила Элка.

Она немного помолчала, опустив голову, потом повернулась, пристально глянула Денису в глаза и указала на него театральным жестом.

– Вот она, моя тайна!

– Что? – удивился он.

– Да то, что я любила тебя все пять лет, пока мы учились. По-настоящему. Так сильно, как только умела.

– Ты... его любила? – Кира никак не ожидала услышать что-то подобное. Понятия «Элка» и «тайна» были несовместимы. Миля грубовато, но верно говаривала про подругу: вода в заднице не держится. Про неё все всегда всё знали. Они четверо были убеждены, что Эля у них как на ладони. А тут вдруг выясняется!

Kella-2012

Денис обескураженно молчал. Потом выдавил:

— Я ничего не знал.

— Да успокойся ты, сейчас уже всё в прошлом. Перегорело. Переболело. А тогда... Чего я только не делала. Однажды даже чуть замуж не вышла, чтобы разом разругать всё. За Радика Суворова, может, помните?

Кира нахмурилась и промолчала. Радика и связанную с ним некрасивую историю она помнила. Тихий, очень

симпатичный мальчик, учился в Питере, в какой-то военной академии. Любил Элку до сумасшествия. Письма из Петербурга писал каждый день, а когда на каникулы приезжал, ходил за ней по пятам, заваливал цветами и подарками. В итоге она согласилась выйти за него. Радик прямо светился от счастья. Дату назначили, в августе, кажется. Приглашения разослали. Она даже платье купила. Шикарное, цвета шампанского, Кира видела. А потом раз — и переду-

мала. Никто даже не удивился особо: Элка, что с неё взять! Семь, нет, даже восемь пятниц на неделе. А бедный Радик с разбитым сердцем уехал зализывать раны, и больше они его никогда не видели.

— Знаете, почему я свадьбу отменила? — продолжила Элка, глядя на Дениса. — Да потому что возомнила, что у тебя ко мне тоже что-то есть. Помнишь, мы с тобой на практику в какой-то колхоз в начале лета ездили? На несколько дней? Миля у себя её проходила, Лёнька на кафедре что-то мудрил, Кира болела. Мы несколько дней вместе были, бок о бок.

— Помню, — хрипло ответил Денис.

На самом деле воспоминания были довольно смутные. Лето, жара, автобус, который, натужно рыча, полз по пыльной дороге. Смех, шуточки, вечера у костра, купание в мелкой речонке. Ничего особенного.

— Я себе бог весть что навоображала. Мне казалось, дело сдвинулось с мёртвой точки. Ты и смотреть на меня стал по-особому, и говорить. Приехала домой — летаю, порхаю. А тут Радик звонит, про свадьбу заливается. Мне одновременно тошно и радостно. Потом спохватилась — мама дорогая! Задержка! Да не пугайся ты, ничего у нас с тобой не было, — успокоила она побледневшего Дениса.

У того на лице были написаны все его страхи: было дело, пили на природе... Так кто знает, вдруг чего-то поутру не помнил?!

— Ребёнок был от Радика. Это-то и было для меня самым ужасным. Я же надеялась на роман с тобой! Беременность от другого сюда не вписывалась. Я возненавидела этого ребёнка и его отца. Радику сразу сказала: не люблю, противен, убирайся. Прогнала, обидела и даже не задумалась. А он меня так любил, как никто не любил ни до него, ни после. Нельзя предавать любовь, я после где-то прочитала, что это страшный грех. Вышла бы за него, родила, может, и не сидела бы тут, с вами, — в голосе Эли звучала острая тоска.

— А ребёнок? — робко выговорила Кира.

— Ребёнок... Второй мой грех, — Элкино лицо прорезали морщины, она прикусила губу и судорожно вздохнула.

— Может, хватит? Зря я спросила...

— Нет уж, исповедоваться — так до конца. Никому этого не рассказывала. Ребёнка я сама убила.

— Аборт? — понимающе спросила Кира, которая сама всю жизнь казнилась и мучилась из-за ошибки (греха) своей юности.

— Хуже, — отрубила Элка. Вскинула голову и с лихорадочным сухим блеском в глазах продолжила:

— Я боялась делать аборт и сама его убивала. Три дня подряд.

Денис и Кира, вытаращив глаза, слушали.

— Хотела, чтобы выкидыш случился. Ноги парила в горчице, пока они чуть не сварились. Напилась какой-то дряни и в ванне горячей лежала. Потом гири Гарика тягала, по лестнице носилась. Таблетки какие-то глотала. Помню... — Элка запнулась, но договорила, — бью себя кулаком в живот и ору: «Умри, сволочь, сдохни!». Червяком мерзким называла. Ребёночка своего... В бога не верила, но молилась — убей эту тварь, пусть уберётся из меня. Вот что я творила. Правильно, что бог меня потом наказал. Даже мало. Детей не дал больше. Разве таким, как я, можно?! — голос её сорвался. — Если бы вы только знали, как я потом хотела родить! Каждая задержка — и я надеюсь, как сумасшедшая: неужели?! А как увижу, что опять ничего не получилось, опять я пустая — скорлупа одна... Хоть в окно прыгай. Такая тоска нападает, что...

Элка спрятала лицо в ладони и даже не зарыдала — завывала. Ей было так больно, что эта боль физически ощущалась Кирой и Денисом.

У Киры закололо сердце, задрожали руки. Она вспомнила, как Элка вчера рассказывала про «провалы», которые произошли с ней за эти полгода. Самым страшным потрясением была внезапно исчезнувшая долгожданная беремен-

ность. Даже представить невозможно, что пережила тогда несчастная Эля! Ещё вчера была вне себя от радости, что наконец-то ей даровано счастье стать матерью, а утром встала – никакого ребёнка нет и в помине! Только теперь Кире открылась вся глубина Элкиного горя. Подруга заглянула в такую бездну, которая способна свести с ума. Убить.

– Три дня прошли – бесполезно, выкидыша нет. – Элка кое-как сумела взять себя в руки и договорить. – А ночью проснулась – больно. Живот прямо разрывает. Смотрю – кровь. Родители в Нижнем были. Гарик перепугался, ничего не поймёт, мечется. «Скорую» вызвал, меня увезли. Выскоблили. И всё. А потом лето кончилось, и пошло как раньше, – она жалко улыбнулась, – Эля и Денис – лучшие друзья. Ты нам все уши прожужжал про москвичку, с которой в Сочи познакомился и закрутил. Чуть не женился. Правда, что-то у вас не сложилось: видать, замёрзла южная любовь под северным солнцем. Ты с какой-то Верочкой, помню, встречаться начал. Денис же у нас горячий мачо – никогда один не скучал. А я всех твоих «Верочек» до сих пор помню. Ну, мне тоже пришлось... найти кого-то. Чтоб никто ничего не заметил... Короче, зря мечтала.

Она замолчала. Выдохлась. Кира обняла её за плечи, прижала к себе. Та плакала, не скрываясь.

– Прости меня, – выговорил Денис, – пожалуйста, прости, если сможешь.

– Да что ты, – слабо махнула рукой Эля. – Не в тебе дело. Я тебя никогда не винила, честно. Даже не обижалась. Моя бессмертная любовь постепенно сошла на нет. Засохла без полива, извини за банальность. Любовь пропала, а грехи остались.

– Я виноват... – начал было Денис.

– Нет, нет, сказала же! – горячо проговорила она. – Это всё я, мой дурной характер. Была бы сильной, мудрой, понимала бы, что ничего у нас не может быть. И надо радоваться тому, что да-

ровано. Ну, не хотела жить с Радиком, и не жила бы. Ребёнок-то чем был виноват? Он просто хотел появиться на свет. А я ему не позволила... И всё, хватит об этом. Поговорили.

Элка быстро приподнялась, потянулась за бутылкой. Привычным движением плеснула по рюмкам.

– Выпьем за помин души малыша не рождённого. Она ведь уже была у него? Душа-то? И моей души заодно.

– Перестань, Эля, – мучительно выкрикнул Денис. – Зачем рвать себя на части?! Думаешь, ты одна грешила? Да в каждом есть такое, что волосы дыбом встанут. Что, не так?

– Так, – согласилась Кира.

– Если на то пошло, давай и мы с Кирой тоже... исповедуемся. Самое время. Может, нам и вправду немного осталось.

Кира была не готова к этому неожиданному повороту. Но в голосе Дениса звучало такое отчаяние, а Элкин рассказ настолько перевернул всё в её душе, что она вдруг решила, – а почему нет?

– Только тогда уж я начну, – заявила Кира и без всякого перехода, чтобы не передумать, рубанула:

– Хочу вам признаться в двух вещах. Во-первых, на мне тот же грех, что и на Элке. Аборт. Сделала на первом курсе. Влюбилась в парня, тоже Сашу, и... А теперь, скорее всего, именно из-за аборта у нас с моим Сашей никак не получается ребёнок. Я почти уверена в этом. А Саша ничего про это не знает. Вот такая я стерва.

Кира быстро проговорила это и перевела дух.

– Ты тогда на аборт у меня просила, да? – полуутвердительно, полувопросительно сказала Элка, нетвёрдо выговаривая слова.

– Да. Не к кому было обратиться. Родители ни за что бы не поняли, просто не представляю себе их реакцию. Такое бы началось! Сейчас мне кажется, могла бы сказать сестре, Ирине, но тогда... В общем, не решилась. О том, чтобы оставить ребёнка, даже не

думала. Зато сейчас точно знаю, что надо было рожать. Может, это был мой единственный шанс стать матерью? А я от него отказалась, дура малодушная.

Кира тяжело вздохнула, хотела на этом закончить, но всё же решилась договорить.

— Я высчитала примерно, когда малыш должен был родиться. Получилось, приблизительно десятого августа. Вот уже двенадцать лет в этот день всегда прихожу на кладбище, покупаю большой букет и кладу на могилу одной девочки. Той девочке, Машеньке, было восемь, когда она умерла. Там эпитафия есть: «Ты так любила жизнь, дочка. Прости, что я не сумела победить смерть». Машенькина мама боролась за свою дочь.

— Выходит, я не только своего ребёнка погубила, но и твоему помогла умереть? — с надрывом произнесла Элка. Лицо её некрасиво сморщилось, губы задрожали, на глаза набежали слёзы.

Кира едва заметно сдвинула брови — это уже отдавало истерикой. Или мелодрамой. А скорее всего, как говорила подруга Гелька, «водка плачет». Элка успела выпить ещё, не дожидаясь, чтобы к ней присоединились Кира и Денис. Причём наливала уже в не рюмку, а в стакан.

— Не говори глупостей, Эля. Мне даже комментировать эту чушь не хочется. Ты помогла подруге, дала в долг. Это был добрый поступок, и я тебе за него благодарна, — прохладно ответила Кира. — И, пожалуйста, давайте закроем тему.

— Ты сказала, что должна рассказать про две вещи, — осторожно напомнил Денис.

Кира подумала, что он, наверное, только рад будет поговорить о другом. Всё-таки Денис мужчина, и женские страхи, связанные с деторождением, во многом ему непонятны. К тому же он отец, а значит, не испытывает неутолённой жажды продолжить род.

— Да, есть ещё кое-что... Только

это... — Кира запнулась, — этого не было. Это просто мой сон.

— Сон? — удивился Денис.

— Я видела во сне Безликого. Даже не так. Я вижу его во сне с детства. И не понимаю, что это означает. Не знаю, надо ли вам сейчас об этом говорить, но...

Волнуясь и сбиваясь, Кира подробно пересказала друзьям свой давний кошмар.

Во сне она снова школьница, сидит за письменным столом в своей комнате и делает уроки. Алгебру. Самый нелюбимый предмет, выкручивающий мозги.

Дома больше никого нет. Свет горит только здесь, в детской — включена настольная лампа. Во всей квартире — темнота. Сначала всё идёт как обычно: маленькая Кира сидит, считает, что-то записывает в тетрадку.

Вдруг ей слышится неясный шум в соседней комнате. Непонятные звуки — то ли голоса, то ли шаги, то ли шорохи. Кире становится страшно. Она осторожно поворачивает голову и замечает, что комната изменилась. Обычно здесь всегда аккуратно: Киру с детства не нужно было заставлять прибираться, она сама терпеть не могла, когда вещи разбросаны, всюду пыль и грязь. Не выносила беспорядка, не могла в нём существовать. Хаос проникал в её мысли, разъедал их, мешал жить. И Кира всегда боролась с ним даже в мелочах.

А теперь в комнате именно то, чего она так не любит: яркое покрывало смято и сброшено с кровати, скомканная одежда бесформенной грудой лежит на стуле, на полу какие-то книги, бумаги, игрушки. Всё сдвинуто, убрано с привычных мест, да вдобавок покрыто серой душной пылью. Кира встаёт со стула, изумлённо оглядывая это безобразие. Шум в соседней комнате усиливается.

Она спешит к выходу. Ей нужно добраться до прихожей и включить свет, чтобы осветить заодно и гостиную. Тогда станет видно, что (кто?) производит там шум. Зайти сразу в тёмную комнату,

где нечто вдруг зажило своей странной жизнью и производит неведомые звуки, Кира не решается.

Она идёт быстро, стараясь унять сбившееся дыхание. Выскакивает в прихожую, нащупывает выключатель (вот-вот чья-то влажная, холодная, скользкая рука накроет мою руку!) и включает светильник.

Большая прихожая тут же озаряется уютным желтоватым светом. Кира поворачивает голову и видит, что кто-то стоит на балконе их шестого этажа и пытается открыть дверь. Толкается, скребётся, нетерпеливо постукивая пальцами по стеклу.

Кира, как замороженная, смотрит на высокую тёмную фигуру.

«Он не сможет открыть, – пытается она успокоить саму себя, – там же задвижка».

И в эту минуту дверь открывается. Легко и беззвучно. Просто поддаётся и приглашающе распахивается. Предательница! Незванный гость тихо шагает в комнату. Осторожно отводит в сторону лёгкую тюлевую занавеску и движется, беззвучно скользит вперёд.

Кира пытается кричать, но горло перехватило, и ей не удаётся издать ни звука. «Бежать! Надо открыть дверь и бежать», – вспыхивает в мозгу спасительная мысль, но Кира продолжает стоять на месте, беспомощно глядя на приближающуюся фигуру. Разглядеть, кто это, она не может – освещение слишком слабое.

Между тем неясный силуэт приближается. Когда он оказывается уже на середине гостиной, Кира снова обретает способность двигаться. Она разворачивается лицом к входной двери, пробует трясущимися от страха руками открыть замок и выбраться наружу. Сердце колотится как сумасшедшее. Возвращается голос, и Кира тоненько подвывает от ужаса. Как это всегда бывает во сне, движения её замедленны, ключ не желает поворачиваться, выскальзывает из пальцев. Кира судорожно тормозит замок, а шаги приближаются. Наконец ей удаётся отпереть дверь. Она стонет

от облегчения и уже собирается выскочить в коридор, когда на её плечо опускается рука.

Поняв, что выйти не удастся, маленькая Кира медленно оборачивается, чтобы взглянуть на таинственного посетителя. А разглядев, кто это, принимается истошно вопить. У преследующего её человека нет лица. Просто белое гладкое пространство. Вцепившись взглядом в этот мертвенный ужас, Кира каждый раз просыпается.

– Ну и ну, подруга. Поседеешь тут с перепугу, – поёжился Денис. Покачал головой и задумчиво добавил:

– Это не просто кошмар. Тем более, если снится много раз. Он должен что-то означать. Только убей бог, не понимаю, что.

– Может, тебя предупреждали? – предположила разом протрезвевшая Элка.

– Скорее, пугали, – вставил Денис.

– Не знаю. Но когда Володя заговорил про Безликого, я сразу вспомнила этот сон. – Кира бледно улыбнулась. – Ладно, со мной вроде всё. Денька, твоя очередь выворачиваться наизнанку. Давай, вытаскивай свой скелет.

Денис попытался было улыбнуться ей в ответ и не смог.

Глава 19

Рассказ у Дениса получился длинный. Кира и Эля слушали, не перебивая. Один раз Кира украдкой посмотрела, который час. Половина девятого. По меркам Кара-Чокыра – глубокая ночь. «Чёрная ночь в Чёрной яме», – подумала она, на мгновение отвлекаясь от повествования Дениса.

История, которую он рассказывал сейчас подругам юности, начиналась вполне обычно. По нашему времени, рядовая ситуация, ничего особенного – проблемы с бизнесом, долги, кредиты...

Было это шесть лет назад, «Грач» только-только набирал обороты, и Де-

нису срочно требовались средства на развитие фирмы. Очень хотелось начать, наконец, серьёзно зарабатывать. Вылезти из копеечных прибылей, которые целиком, без остатка уходили на налоги, аренду, рекламу, расходники, квартплату, кредиты, еду-одежду.

Но деньги требовали денег, без вложений не обойтись было. Поскольку на шее у Дениса уже висели несколько займов, в том числе на новенькую иномарку, да вдобавок ещё ипотека, в банк идти не имело смысла – не дадут. Денис пребывал в растерянности и не знал, что делать.

Помог случай, как ему тогда казалось, счастливый. Деньги под весьма скромный процент одолжил школьный приятель, Дима Красильников. Десять лет за одной партой, общие воспоминания, детские радости, влюблённости... Тут как раз подоспела очередная встреча одноклассников, выпили, разговорились, и Димка обещал помочь старому другу.

Красильников был человеком более чем обеспеченным. Солидный капитал, доставшийся от родителей, сумел сохранить и многократно приумножить. Сумма, которая требовалась Денису, для Димки была неощутимой, и он легко расстался с ней, не оговорив толком сроков возврата.

А через полгода так же легко и непринуждённо потребовал вернуть. Всё сразу. С процентами за прошедшие месяцы.

Но отдавать было нечего. Денис вложил деньги в бизнес, как и планировал. Дело закрутилось, пошло отлично, прямо на удивление. Вытащить средства из оборота сейчас было равносильно полному краху. К тому же и не хватит, придётся продавать новое помещение и технику. А это уже уход в такой минус, из которого не выбраться. Точнее, выбраться, может, и можно, вопрос – как скоро. А надо ведь ещё семью кормить и банкам кредиты выплачивать.

Денис принялся уговаривать Красильникова подождать ещё полгода. Просил, объяснял, убеждал. Горячился,

кричал, увещевал. Плакал, унижался, умолял. Ничего не помогало. Красильников был непреклонен.

Грачёв дошёл до ручки. Хуже всего было то, что он не мог понять причин происходящего. Зачем Димке это нужно? Ясно ведь, что острой необходимости в деньгах у Красильникова нет. Спустя какое-то время пришло понимание, и стало совсем тяжело.

Осознал Денис, что его страдания доставляют Димке извращённое удовольствие. Требование немедленно вернуть деньги могло означать только одно: Красильников издевается, глумится. Нарочно мучает. Но за что?! Изначально задумал уничтожить бывшего однокашника? Отомстить за какие-то детские обиды? Но если так, пиши пропало. Чем сильнее будут Денисовы муки, тем Красильникову приятнее...

Видно было, что откровения даются Денису с трудом. Он говорил через силу, рваными, обрубленными фразами. Запинался, часто сглатывал, надолго замолкал, сбивался, чуть не в кровь кусал губы. Не облегчал душу, а наказывал себя. Пару раз Кира порывалась прервать его, уговорить прекратить: невыносимо было смотреть на эти терзания. Но Денис жестом останавливал её и упрямо продолжал.

– Как-то проезжал возле церкви. Уже всё миновал, но на перекрёстке зачем-то развернулся – и обратно. Не знаю, что на меня нашло. Я вообще-то неверующий. Был... До этого в последний раз в церковь с матерью ходил, мальчишкой ещё. Перед тем, как в институт поступить. Ну, захожу... Внутри как-то сумрачно. Служба закончилась, народу нет. Только две старухи. Одна пол метёт подальше, возле алтаря, а другая в церковной лавке, слева от входа, свечи в ящичке перебирает. Вам, говорит, что-то нужно? Может, записочку желаете подать? Свечи купить? И меня вдруг словно толкнуло что-то. Изнутри. Сам не помню, с чего это взял. Бесы, наверное, нашептали. Давайте говорю, шесть свечек. Которые толще, подороже. И записку буду писать. Заказную? – спрашивает. Да, говорю.

Заказную. За упокой. Рядом на столике ручку взял, листок. Там сверху пропечатано: «О упокоении». Видать, чтобы не путали, – Денис странно усмехнулся. – Ну, и написал. Одно только имя написал – Дмитрий. Отдаю старушке. Она у меня записочку приняла. Завтра, говорит, батюшка помянет в молитве усопшего раба Божьего Дмитрия. Он кто вам будет? Отец? На вас, мол, прямо лица нет. И смотрит так участливо, жалостливо. А я говорю, нет, не отец. Друг это мой. Близкий друг. Она давай охать и ахать: молодой, наверное! Надо же, горе какое! Ещё что-то говорила – я уж не слышал. Взял свечки, отошёл. И все шесть понёс туда, куда за упокой положено ставить. Понимаете? За живого человека поставил, как за покойника!

Денис снова замолчал. Прикрыл ладонью глаза. Эля с Кирой молча ждали продолжения. Снег прекратился, и сразу стало холоднее. Кира придвинулась ближе к костру.

– Ну, вышел из этой церкви, в другую поехал. В голове пустота, даже не думается ни о чём. Как будто под диктовку всё... Шесть церквей объехал, везде то же самое. Свечки, записки. И страшно самому от себя, и злость такая на Димку, жуть просто. Три дня вот так по церквям ездил. А в перерывах Димку уламывал. Деньги, говорю, ищу, подожди. Он, сука, улыбается, как деревенский дурачок, а я... Сам не помню, как тогда жил. Утром 13 февраля, я эту дату на всю жизнь запомнил, поехал к Димке домой. Хотел сказать, что через неделю точно деньги отдам, пусть не сомневается. Один знакомый собрался фирму мою выкупить. А меня исполнительным директором там оставить. Зарплату хорошую предлагал. Бизнеса, конечно, я бы лишился, но это лучше, чем совсем без штанов остаться. Приехал к Димке. Дом новый, элитный, а консьержки в подъезде нет. Короче, никто меня не видел.

Кира ахнула, прижала руки к лицу. Элка закусила губу и во все глаза смотрела на Дениса. Он не замечал их реакции, неотрывно глядя на пляшущие языки огня.

– Позвонил. Никто не открывает. Ручку подёргал – не заперто. Зашёл. Зову Димку. Не отвечает. А я точно знаю, что он дома должен быть. Мы созванивались за час до этого. Всю квартиру обошёл – пусто. Слышно только, что в ванной вода льётся. Я дверь толкнул, она открылась. У Димки ванная – как большая комната в Лёнькиной квартире... Смотрю – он возле душевой кабины. Лежит голый, глаза вытаращенные, губы синие. Потом про него некролог в «Бизнес-экспрессе» напечатали: молодой процветающий бизнесмен, бла-бла-бла... Никогда не жаловался на здоровье, ушёл в расцвете. Инфаркт молодеет.

– Господи, ну, слава богу, а я уж подумала, – выдохнула Элка.

– Боялись, что я его прикончил? – ухмыльнулся Денис. Ухмылка вышла жуткая. Щёки его ввалились, губы вытянулись в узкую белую полоску. Лицо стало похоже на череп. Глаза воспалённо блестели.

Как же он жил с этим, подумалось Кире. Для неё самой такой поступок был за гранью добра и зла. Она не знала, до каких глубин отчаяния ей нужно было бы дойти, чтобы сотворить подобную дикость. Но осуждать Дениса она не смела. Не ей было судить.

– Нет, я Димку не убивал. Но ведь всё равно, что убил! Вы понимаете? Мысленно я убил его много раз! Если бы был уверен, что меня не поймут, не посадят, пристрелил бы собственными руками. Просто духу не хватило сделать это самому – вот и поручал... не знаю, кому. Короче, Красильников умер, и проблемы мои решились. Я вызвал «скорую», а перед этим зашёл к нему в комнату, взял свою расписку. Знал, где она хранится. Запомнил, пока ходил с прошениями. Нет расписки – нет долга. Вот так-то. Я честно готов был отдать ему долг плюс проценты. Но он умер, и я не вернул ему ни копейки. Получилось, что он сделал мне царский подарок. Димка был одинокий, ни жены, ни детей. Всё имущество унаследовала двоюродная сестра. Кажется, воспитательница не то из Нижнекамска, не то из Набережных

Челнов. Так ошалела от свалившегося богатства, что, думаю, даже найди она расписку, не стала бы связываться. Хотя, кто знает. Денег, говорят, много не бывает. Но расписки не было. И я был свободен. Вот такая история, девочки.

Обсудить её они не успели. Едва Денис договорил, Эля вскочила и, вытянув руку в сторону озера, пролепетала:

– Ребята, смотрите, что это?!

Кира и Денис резко обернулись и застыли. Посередине озера от воды поднималось зеленоватое свечение. Мареву дрожало и колебалось, медленно расплываясь в стороны, словно чернила по промокашке.

– Что это? – беспомощно повторила Элкин вопрос Кира.

– Кажется, началось, – прошептал Денис, – что бы это ни было, оно началось.

– Когда эта штука успела появиться? – страдальчески воскликнула Эля.

– Понятия не имею, я в ту сторону не смотрела.

Денис молча пожал плечами.

– Мапочки, что же нам теперь делать? – Элка стремительно теряла над собой контроль.

– Так, мне кажется, нам пора баиньки. Кто знает, что будет, когда это доберётся до берега? Сейчас, только Суханову позвоню. Я ему обещал рассказывать, если увидим что-то необычное.

Денис достал телефон, недоумённо повертел его в руках.

– Нет сети? – быстро спросила Кира.

– Вообще ничего нет. Даже не включается. Проверьте-ка свои трубки.

Результат был тот же, все три телефона пусто чернели экранами.

– Пожалуйста, идёте спать. Мне страшно, – простонала Элка.

Денис достал небольшую картонную коробочку.

– Аптекарь сказала, максимум по две штуки. К тому же алкоголь усиливает действие. С непривычки и одной должно хватить, но чтоб уж наверняка...

Он выдавил на ладонь две выпуклые белые пилюли и отдал блистер

стоявшей рядом Кире. Потом очередь дошла до Элки. Она схватила сразу три штуки. Тонкие пальцы подрагивали, и она едва не выронила таблетки.

– Элечка, может, не надо так много, – попыталась остановить подругу Кира. Но та только отмахнулась.

– Мне в больнице такое вливали... Это как слону дробина. Не хочу оставаться тут единственным неспящим. Наедине чёрт знает с чем.

– Когда подействует? – спросила Кира Дениса, поняв, что отговаривать Элю бесполезно.

– Девушка сказала, минут через десять – пятнадцать.

– У кого-нибудь есть часы?

Эля отрицательно покачала головой.

– У меня. – Денис вскинул руку к глазам и тут же разочарованно опустил. – Они встали. Остановились на без двадцати девять.

– Наверное, как раз тогда и появилось это, – заметила Кира. – Я смотрела время на телефоне, когда ты рассказывал. Была половина девятого. Прошло примерно полчаса.

– Значит, сейчас примерно девять.

– Господи, да какая разница, сколько времени? – взорвалась Эля и выкрикнула, ломая руки, – что вы тянете? Вам же сказали: нужно спать!

– Конечно, мы просто...

– Как хотите, я иду в палатку!

Она едва ли не бегом ринулась прочь от костра.

Призрачное мерцание ширилось и расплзалось, приближаясь к кромке берега. Кира, как зачарованная, смотрела на него.

– И правда, идите, Кир. Располагайтесь, я сейчас тоже подойду.

– Костёр не гасить?

– Он уже почти прогорел, я давно не добавлял дров, – неуверенно сказал Денис. По правде говоря, он понятия не имел, нужно ли тушить костёр на ночь.

– По-моему, лучше всё-таки залить водой.

– Хорошо, залью, – согласился Денис. – А ты иди, иди.

Кира быстро побросала в пакет мусор – бутылку, пластиковые тарелки с остатками еды, стаканчики – и направилась к палатке. Внутри бестолково суежилась, поспешно устраивалась на ночлег перепуганная Эля. Как белка в своём дупле.

От лампы шло тепло. Девушки сняли верхнюю одежду, собираясь ложиться. Кира заколебалась: может, стоит снять толстый свитер и спать в одной водолазке? Но потом передумала. Жар костей не ломит.

Пока Кира размышляла, Еленька уже успела забраться в спальник. Она притихла и только молча дрожала.

– Денис, – тихонько позвала Кира.

Он не отвечал. Кира на четвереньках подползла к входу, осторожно высунула голову из палатки и беззвучно ахнула. Зеленоватое сияние дрожало теперь у самого берега, в нескольких метрах от палатки. Денис залил костёр водой, и темнота вокруг стала густой и непроглядной.

Однако ближе к воде было почти светло от странного свечения. И в этом тумане явственно виднелись человеческие фигуры. Белые и более плотные, чем зелёная дымка. Фигуры – Кира насчитала четыре штуки – двигались.

Она почувствовала, как у неё по телу побежали мурашки и похолодело в желудке.

Фигуры (призраки? привидения?) резвились в воде. Они купались. Одна из них медленно и робко заходила в воду. Две других плескались чуть дальше. Ещё одна скользила к берегу. Видно было, как двигались молочно-белые руки и ноги. Внезапно в зелёной мгле возникла ещё одна белёсая тень и с разбегу нырнула вниз головой.

– Господи! – выдохнула Кира.

Денис стоял на коленях возле входа в палатку и вздрогнул от неожиданности.

– Ты тоже это видишь?

Она кивнула, но потом сообразила, что он не видит её кивка, и прошептала:

– Вижу. Хватит торчать там, иди в палатку. – Кира чувствовала, что ещё чуть-чуть, и она завизжит от ужаса.

– Ты хоть понимаешь, кто это? – не слушая её, спросил Денис.

Кира догадалась, но не смела говорить. Было страшно. Невозможно. Такого не могло быть, и всё!

– Это же мы, да? – ломким голосом сказал Денис. – Мы сами – летом! Узнаешь? Кира!

– Да, – отозвалась она, не в силах оторваться от сюрреалистического зрелища. Никогда в жизни не видела ничего подобного. И предпочла бы не видеть.

Внезапно Кира вскрикнула от боли – Денис судорожно вцепился ей в руку. Синяк точно будет. Грачёв тяжело дышал, с хрипом и свистом выгоняя воздух из лёгких. Кира обеспокоено посмотрела на него. Надо бы позвать Элку, пусть поможет уложить Дениса спать.

Кира снова заглянула в палатку и увидела, что подруга уже ничем не сможет ей помочь. Она безмятежно спала, свернувшись в спальнике, как моллюск в раковине. Действенные оказались пилулы, не подвели. Погрузили Элечку в счастливое забытье, и сейчас она далеко отсюда. Счастливица.

Свет газовой лампы освещал палатку, и этот островок тёплого, нормального мира в чёрной топи окружающего мрака казался хрупким и зыбким, почти нереальным.

Мы все здесь умрём, внезапно поняла Кира. Обречены и умрём. Нам не выбраться из этого проклятого места.

Она сделала глубокий вдох и часто-часто поморгала, чтобы не расплакаться. Медленно отвернулась и снова глянула на озеро. Денис, всё так же сидя на снегу, неотрывно смотрел на воду. В призрачном зеленоватом свете его лицо выглядело чужим и постаревшим. Он зачем-то снял шапку и судорожно сжимал её в руках. «Дурак, холодина такая!», – подумала Кира. Она потянулась к Денису и тихонько дотронулась до его щеки, потом до

ладони. Так и есть – ледяной весь, как снеговик.

Денис никак не отреагировал на прикосновения. Только странно хрюкнул, будто поперхнулся чем-то. Кира поняла, что он плачет. Так, всё, надо срочно его отвлечь, отвести в палатку, уложить спать. Иначе парень тронется умом.

– Денька, – твёрдо сказала Кира, пытаюсь придать голосу спокойствие и уверенность, – всё, пора спать. Элечка наша уже всю подушку давит. Пойдём! Замёрзнешь тут к чертям собачьим!

– Кира! Как ты не понимаешь, – он резко повернул голову, шейные позвонки хрустнули. – Всё бесполезно! Мы – уже покойники. Это гиблое место забрало наши жизни, наши души – вон они, разуй глаза и посмотри!

Денис перешел с шёпота на крик. Оттолкнул от себя Киру и вскочил на ноги. Она тоже поднялась и встала рядом с ним.

– Мы уже давно здесь, с самого лета. Я только сейчас это понял! Мы так и не вернулись домой, разве до тебя не доходит? Всё время были здесь! Отсюда уехали обратно в город только наши оболочки, а наши жизни были вырваны из тел! – Голос его набирал обороты, поднимался всё выше, ввинчивался Кире в уши. – Мы погибали, дохли, как мухи, один за другим. Лёнька, Элка, Миля, ты, я – блуждали в этих вселенных, про которые плёл Суханов!

– Перестань вопить! Успокойся!

– Скоро все успокоимся! – проорал Денис ещё громче и отшвырнул свою шапку. – Вспомни сказку про Безликого! Люди, которые здесь ночевали, больше не были прежними! А почему?! Да потому, что они покойники! У них какое-то время ещё оставались тела, но не было душ. Живые мертвецы! Он забрал их жизни! Наши жизни!

– Хорошо, пусть так! – Кира не держала и тоже закричала в ответ. – Но у нас есть шанс! Мы ещё можем спастись!

– Чушь! Мы уже умерли, нас нет,

про нас никто и не помнит. Что толку барахтаться?

– Есть толк! – иступлённо заговорила Кира. – Да что с тобой?!

Она шагнула вперёд и вцепилась Денису в куртку, глядя на него снизу вверх.

– Ты же никогда не был таким! Я хочу жить! Я люблю Сашку и рожу ему сына! И дочку! Я не собираюсь умирать только потому, что однажды меня принесло в какую-то чёртову дыру! И тебе, и Элке тоже есть ради чего пытаться выжить! Мы уже через столько прошли и не сдались! Да что ты... – голос её сорвался, Кира захлебнулась словами и закашлялась.

– «Есть ради чего жить», – передразнил её Денис. – Кому – нам?! Да мы же убийцы!

– Замолчи!

– Убийцы, – упрямо повторил Денис, – поэтому и сюда попали! И Лёнька с Милей тоже кого-нибудь прикончили, – с маниакальной убеждённостью проговорил Грачёв.

– Что ты несёшь, придурок! Да каждая вторая женщина делала аборт. – Кира говорила быстро, не замечая, что трясёт Дениса за плечи. – Я не оправдываю этого, но... Мы живые люди. Пусть ошибались, любой может ошибиться. Но ведь раскаивались! Если Бог есть, Он это видит, и позволит искупить грехи.

– Тебе хочется так думать! Только это неправда. А правда в том, что мы умрём. Это расплата! Иди в палатку, спи, если сможешь. А я останусь и посмотрю. Может, даже искупаюсь!

Денис визгливо, по-бабьи захохотал, глубже погружаясь в подступающее безумие. Кира размахнулась и ударила его по щеке. Удар вышел сильным, Денис качнулся и непонимающе уставился на Киру.

– Извини, – охрипшим от крика голосом проговорила она. – У тебя началась истерика. Нужно было как-то остановить.

Грачёв молчал, но взгляд его стал более осмысленным. И растерянным.

– Ты не убийца. Что бы сейчас тут не говорил. Да, это был плохой поступок. – Кира секунду подумала и добавила: – Отвратительный. Но ты сам себя целых шесть лет за него наказывал. И если выберешься отсюда, то сумеешь искупить грех. Придумаешь, как. Пойдём, Денис.

Она потянула Грачёва за собой, но он не двигался с места.

– Ты и Элка, вы и вправду достойны того, чтобы вернуться и жить дальше. А я... Был человек, да весь вышел. – Денис потерянно замолчал.

Зелёное свечение уже почти достигло берега. Ещё чуть-чуть, и оно окутает палатку. У них почти не оставалось времени. Кира была уверена: если они окажутся в центре мертвенного сияния и при этом будут бодрствовать, то всё для них на этом свете кончится.

– Ты не убийца, – ещё раз повторила Кира, из последних сил стараясь не сорваться, – но станешь им, если не пойдёшь со мной. Я ни за что тебя здесь не брошу. Застрянешь тут, отнимешь последний шанс не только у себя, но и у меня.

– Кира... – он запнулся и не договорил.

– Всё, идём. – Кира взяла Дениса за руку, чуть повыше локтя, развернула его в сторону палатки и мягко подтолкнула. – Лезь давай.

Денис подчинился, не делая больше попытки воспротивиться. Кира протиснулась вслед за ним в палатку и в последний раз оглянулась на озеро. Купальщики всё так же беззвучно резвились в дрожащей болотной дымке. Кира решительным жестом закрыла выход из палатки. Отрезала себя и Элю с Денисом от внешнего мира.

Элка спала всё в той же позе. Ресницы чуть заметно подрагивали. «Наверное, сон снится», – не без зависти подумала Кира. Сумеет ли она, как Эля, сбежать от всего этого?

Денис сидел и ждал дальнейших указаний. «Сдулся» – выплыло откуда-то из глубин сознания грубое хлёсткое словечко. Кира одёрнула себя, не успев

додумать. Денис просто оказался менее выносливым. И значит, нужно о нём позаботиться.

– Денечка, снимай куртку. Обувь тоже. Здесь жарко, – она говорила мягким, успокаивающим тоном. – Где у тебя таблетки?

– Вот. – Он послушно протянул ей пачку.

– Выпьем-ка ещё по две штучки. А то пока что-то не берёт.

Кира выдавила из блистера пилюли, похожие на маленькие глянцевые пуговицы.

– Держи.

Денис покорно взял лекарство.

– Сможешь проглотить? Без воды?

Он ничего не ответил. Молча засунул белые кругляши в рот и разгрыз, морщась от залившей рот горечи.

Кира не стала жевать таблетки, просто проглотила. Ничего, проскочили, не застряли. Быстрее бы подействовали, что ли.

– Ну, теперь давай ложиться. Пора баиньки.

Денис улёгся с краю, оставив место посередине Кире.

Она выключила свет, тараща глаза во внезапно обрушившуюся на них тень. Как ни старалась Кира, она никак не могла разглядеть очертаний знакомых предметов. Мрак был полным и непроницаемым. В самом деле, хоть глаз выколи. Кругом так темно, что и зрячий, и слепой находились бы в равном положении.

Кира завозилась, устраиваясь поудобнее. Она заставляла себя не думать о том, что творится за тонкими стенами палатки. Вообще ни о чём не думать.

Доза лекарства всё же была убойной, и вскоре Кира почувствовала, как тяжелеют веки, по всему телу разливается тёплая волна, приходит спокойствие. Она задышала ровнее.

– Тебе страшно? – раздался слева от неё голос Дениса.

Ну, вот, опять двадцать пять. Кира почувствовала, насколько сильно устала. Неужели он не понимает, как важно

сейчас уснуть? «Не буду отвечать, он подумает, что я сплю и замолчит».

– Ты боишься больше никогда не проснуться? – упорствовал Денис. Он говорил тихо, заторможенно, постепенно уплывая в сон.

– Да, Денис. Даже очень. Но верю, что Бог нам поможет, – терпеливо, как маленькому ребёнку, ответила ему Кира.

– А я просто боюсь, – со вздохом прошелестел он. – Хотел бы верить и молиться, но не могу. Не умею.

– Ты выберешься отсюда и научишься. И я научусь. Может, это наш путь к вере. У каждого он свой. Спи, Денис. Спокойной ночи, – прошептала Кира, но Денис её уже не услышал.

Волшебные таблетки сделали своё дело. Кира осталась одна.

Она согнула ноги в коленях, обхватила себя руками, сжавшись в комочек. Плотнее сомкнула веки и снова попыталась уснуть. Это почти удалось, как вдруг ей что-то послышалось. Против воли Кира сосредоточилась и прислушалась.

Шум доносился со стороны озера. С трудом соображая из-за подступившего наконец-то сонного морока, Кира поняла – это голоса. Она определённо слышала крики! Кто-то вопил, но не от боли. И не от страха. Это были радост-

ные, торжествующие, довольные возгласы. А ещё смех. И разговоры.

Звуки нарастали. Еле различимые вначале, теперь они были слышны отчётливо и звонко, разносились над озером переливающимся на все лады эхом. Иногда из общего гула голосов вырывались отчётливые фразы.

– Идите сюда! Вода тёплая, – смеялся от удовольствия и звал женский голос. Хорошо, даже слишком хорошо знакомый.

Можно было подумать, что сейчас лето, и в озере купаются люди. Брызгаются, хохочут, плещутся, радостно погружаясь в гостеприимные воды.

Не будь в её крови четырёх таблеток сильного препарата, Кира сейчас обмирала бы от тоскливого, вязкого ужаса. Но лекарственный дурман милосердно избавил её от страха. Она больше не боялась, хотя точно знала, чьи голоса призрачно витают над зимним озером.

Белёсые фигуры теперь не только двигались, но и звучали. Гиблое место Кара-Чокыр набирало силу с каждой минутой. Её мёртвая подруга Миля звала друзей купаться. И этот призыв будет звучать здесь вечно.

Последнее, что слышала Кира, прежде чем раствориться в небытии, был её собственный голос, звенящий в ночи.

Рис. Людмилы Пельгасовой

